

Журнал Маркетинг MBA. Маркетинговое управление предприятием. 2020, выпуск № 4
Journal Marketing MBA. Marketing management firms. 2020, Issue № 4

ISSN 2078-6921

Эл № ФС77-46167

Маркетинг MBA
Маркетинговое управление предприятием

Journal Marketing management firms
Marketing MBA

2020 год Том № 11 Выпуск № 4

Volume № 11 Issue № 4

<2078-6922>

Маркетинг МВА
Маркетинговое управление предприятием

Journal Marketing management firms
Marketing MBA

Главный редактор:

Сидорчук Роман Роальдович, *доктор экономических наук*
Editor Sidorchuk Roman Roaldovich, *Doctor of Economics (marketing), Ph.D.*

Ответственный редактор: Алексей Самойлов
Liability editor: Alexei Samoilov

Адрес: 129018, Россия, г. Москва, Складочная ул. д.1, стр. 18, оф.317
Address: 129 018, Moscow, Russia, Skladochnaya Street. d.1, str. 18, of. 317
Электронный адрес: info@marketing-mba.ru
E-mail: info@marketing-mba.ru
Учредитель и издатель: Сидорчук Р.Р. и RSonsult ©
Founder and publisher: Sidorchuk R.R. & RSonsult ©
ОН-лайн Научный журнал: www.marketing-mba.ru
ON-line Scientific Journal: www.marketing-mba.ru

*Copyright © On-line Journal Marketing management firms,
Marketing MBA. 2010. All Rights Reserved.*

2020 год Том № 11 Выпуск № 4
Volume № 11 Issue № 4

Начиная с 2014 г. нумерация томов идет по годам. В 2014 г. Том № 5

Содержание

Content

Алиаскарова Ж. А., студентка магистратуры, СПбГУ Эволюция промышленной политики современной России <i>Aliaskarova Z., graduate student, St. Petersburg State University</i> <i>Evolution of industrial policy in modern Russia</i>	4
Алиаскарова Ж. А., студентка магистратуры, СПбГУ Рахман Хашими Матиар Мизанурович, студент СПбГУ К вопросу о национальных проектах и их влиянии на роста ввп <i>Aliaskarova Z., graduate student, St. Petersburg State University</i> <i>Rahman Khashimi Matiar Mizanurovich, student, St. Petersburg State University</i> <i>To the issue of national projects and their impact on gdp growth</i>	22
Баландина Д. М., студентка СПбГУ Измерение уровня бедности в Российской Федерации: подходы и перспективы <i>Balandina D. student, St. Petersburg State University</i> <i>Measuring poverty in the russian federation: approaches and prospects</i>	41
Волкова А. В., профессор кафедры политического управления, СПбГУ Развитие ценностной и этической инфраструктуры сети: эффекты «вынужденной цифровизации» <i>Volkova A., Professor of the Department of Political Governance St. Petersburg State University</i> <i>Development of value and ethical infrastructure of the network: effects of "forced digitalization"</i>	58
Неверов К. А., СПбГУ, ф-т политологии, ассистент Бизнес, государство и граждане: конкуренты или партнеры? <i>Neverov K. St. Petersburg State University, Faculty of Political Science, Assistant</i> Business, state and citizens: competitors or partners?	73

Алиаскарова Жамиля Агыновна, *студентка магистратуры СПбГУ,
экономический ф-т*
aliaskarova1996@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация

В статье рассматривается эволюция промышленной политики современной России с момента ее становления в конце XX в. и по сей день. Автор пытается проследить, какие модели или отдельные стратегии были использованы и что мы имеем в настоящий момент. В течение всего рассматриваемого периода с 1991 г. и до конца 2019 г. промышленная политика РФ может быть разделена на 9 этапов со средней продолжительностью в 3 года. Первые три этапа характеризуются минимальным вмешательством государства в экономику с последующим осознанием ошибочности данного подхода (особенно в период кризиса), что создало предпосылки для последующей эволюции промышленной политики в рамках традиционной модели догоняющего развития.

Ключевые слова: промышленная политика, модели промышленной политики, государственное регулирование промышленности, экономический рост, антикризисная политика

RePEc: E60

УДК 338.22

*Aliaskarova Z., graduate student,
St. Petersburg State University, Faculty of Economic
aliaskarova1996@mail.ru*

EVOLUTION OF INDUSTRIAL POLICY IN MODERN RUSSIA

Abstract

The article considers the evolution of industrial policy in modern Russia from the moment of its formation at the end of the XX century until this day. The author tried to define which models or individual strategies were used and what we have at the moment. Russian industrial policy during the reporting period from 1991 to the end of 2019 can be divided into 9 stages with an average duration of 3 years. The first three stages are characterized by minimal state intervention in the economy with subsequent awareness of this approach fallacy (especially during the crisis), which creates the preconditions for the evolution of industrial policy within the framework of the traditional model of catch-up development.

Keywords: industrial policy, models of industrial policy, state regulation of industry, economic growth, anti-crisis policy

RePEc: E60

УДК 338.22

УДК 338.22

Алиаскарова Жамиля Агыновна, студентка магистратуры СПбГУ,
экономический ф-т
aliaskarova1996@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Aliaskarova Zhamilla A., graduate student,
St. Petersburg State University, Faculty of Economic
aliaskarova1996@mail.ru*

EVOLUTION OF INDUSTRIAL POLICY IN MODERN RUSSIA

Промышленная политика как часть более общей экономической политики представляет собой стратегическую деятельность государства по разработке вектора приоритетов развития промышленности и созданию рамочных условий для его реализации хозяйствующими субъектами. Изменение политической и экономической конъюнктуры и постоянный поиск более эффективных инструментов регулирования промышленности приводят к непрекращающейся трансформации управленческих практик. Однако зачастую провозглашение нового вектора приоритетов происходит без учета уже имеющегося опыта, что приводит к повторению ошибок и существенно тормозит развитие. В связи с этим и представляется важным и интересным рассмотрение 30-летней эволюции промышленной политики в России с выявлением тех мер стимулирования развития промышленности, которые уже были предприняты для преодоления стагнации и обеспечения экономического роста, что особенно актуально в текущей ситуации стабилизации экономики в период пандемии коронавируса Covid-19.

Итак, *первый этап – подготовка и проведение рыночных реформ (1991–*

1995 гг.), т.н. «шоковая терапия», вызванная необходимостью выхода из затяжного экономического кризиса и крахом социалистического варианта административно-командной системы управления. В этот период вслед за идеями начала перестройки отрицается необходимость государственного регулирования промышленного развития: «речь идет о свободе предпринимательства, разгосударствлении собственности и форсированном переходе к рыночному регулированию. О размораживании оптовых и розничных цен на основную массу продукции, предоставлении предприятиям подлинной самостоятельности в формировании производственной программы, системы хозяйственных связей, резком ограничении сферы действия государственных заказов и их размещении на основе взаимной заинтересованности сторон» [17]. Проводятся либерализация цен с разрешением торговли, приватизация госпредприятий (малая и большая приватизации) [5], аграрная реформа, залоговые аукционы (государственные пакеты акций отдельных предприятий передавались в доверительное управление на определенный период, во время которого победитель тендера получал возможность управлять этим пакетом акций) [2]. Государственная поддержка промышленности носила минимальный характер (кредитование, взаимозачет задолженности предприятий). Среди косвенных мер особенно стоит отметить денежную эмиссию, которая, однако, привела к гиперинфляции и последующему дефолту. В результате первого этапа можно констатировать исчерпание мощностей советской экономики и нанесение тяжелейшего удара «по основной массе традиционно низкоэффективных производств в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве, которые оказались нежизнеспособными» [16, С. 33-34], что обернулось деградацией не только производственного, но и научно-технического потенциала страны и ее фактической деиндустриализацией.

Второй этап – промышленная политика в период между банковским кризисом и кризисом ГКО (1996–1999 гг.). После банковского кризиса 1995 г.

и резкого спада в большинстве отраслей промышленного производства Государственная Дума вынесла вотум недоверия Правительству и впервые заговорила о том, что осуществляемая экономическая политика не соответствует реальным проблемам экономического положения страны; главной причиной кризисного состояния экономики представлялся дефицит регулирующей функции государства [14]. Лейтмотивом всего рассматриваемого периода стала идея возврата к государственному воздействию на процессы становления рыночных отношений [13], а ключевым фактором экономического роста представлялась структурная перестройка экономики [10]. Главным инструментом промышленной политика выступала селективная поддержка отдельных приоритетных производств, проводившаяся под сильным влиянием теневого лоббизма. Таким образом, можно сделать вывод, что государство осознавало опасность назревших экономических проблем, но не могло предложить четкую программу преобразований, что обернулось крахом финансовой системы в 1998 г. При этом нельзя не отметить, что для начала масштабных реформ требовалась не только экономическая, но и политическая встряска, которая произошла лишь со сменой руководства страны, вот почему в данный этап целесообразно включить и посткризисный 1999 г.

Третий этап – политика восстановительного экономического роста (2000–2003 гг.). Основными задачами были борьба с негативными структурными изменениями и посткризисное восстановление экономики. Основы промышленной политики были заложены в «Стратегии развития Российской Федерации до 2010 г.», которая неформально была прозвана «Программой Грефа» [23]. Данный документ подразумевал 3 этапа модернизации экономики: первый был посвящен созданию благоприятного предпринимательского и инвестиционного климата (качественная нормативно-правовая база, поддержка конкуренции и т.д.); второй был направлен на все то же дерегулирование экономики; третий касался структурной перестройки

экономики (повышение доли технологичных отраслей и т.д.). Как можно заметить, курс Греча мало чем отличался от видений предыдущего периода, за что и подвергся всесторонней критике [15]. На практике применялись в основном мягкие инструменты промышленной политики: поддержка валютного курса, налоговая политика, контроль тарифов естественных монополий. Результат данного этапа оказался половинчатым: по оценкам экспертов [25], из десяти глобальных целей к 2010 г. удалось добиться выполнения только трех (повысить уровень жизни, удвоить ВВП и поддержать платежеспособность страны). Однако после дефолта 1998 г. в стране уже наметились тенденции к восстановительному экономическому росту, поэтому третий этап действительно можно считать компенсационным, т.к. в это время были заложены условия для начала преобразований.

Четвертый этап – долгосрочное проектирование на базе институтов развития [18, С. 13] (2004–2007 гг.). В этот период происходит укрепление вертикали власти, что привело к усилению государственного вмешательства в экономику, из-за чего промышленная политика приобрела вертикальный (отраслевой) характер [19, С. 67]. Обозначение отраслевых приоритетов повлекло за собой формирование стратегий развития для всех важных отраслей (атомная энергетика, лесной комплекс, металлургия, судостроение, транспортное машиностроение, химическая, нефтехимическая и электронная промышленность). При этом основными инструментами промышленной политики стали федеральные целевые программы, создание укрупненных «вертикально-интегрированных предприятий» [19, С. 67] вроде Объединенной авиастроительной и судостроительной корпорации, создание Инвестиционного фонда и институтов развития (Внешэкономбанк, Олимпстрой, Росатом и др.). Как позднее отметит В. Путин, цель этих приоритетов промышленной политики заключалась в том, чтобы «остановить развал интеллектуальных отраслей нашей промышленности, сохранить научный и производственный потенциал за

счет консолидации ресурсов и централизации управления» [26]. Однако наряду с вертикальными мерами присутствовали и горизонтальные: активизация мегапроектов, создание особых экономических зон и др. Результатом данного периода стало повышение удельного веса государственного сектора и поступательное экономическое развитие, которое, однако, было приостановлено последовавшим мировым кризисом.

Пятый этап – компенсационная антикризисная политика (2008–2009 гг.). Кризис 2008-2009 гг. потребовал не только пересмотра государственных приоритетов, но и масштабного перехода к «ручному» управлению. За счет этого, безусловно, еще больше возросла роль вертикальных мер: поддержка не только приоритетных секторов и предприятий, но и помощь наиболее слабым отраслям. «Основной акцент промышленной политики кризисного периода был сосредоточен на поддержке ОПК, сельского хозяйства, автомобилестроения, транспортного и жилищного комплексов» [19, С. 71]. На помощь рыночному механизму государство пришло с позиций протекционизма: обеспечивало отечественным предприятиям не только доступ к финансовым ресурсам, но и всестороннюю поддержку в виде государственных гарантий и госзаказов; проводило изменения в таможенной политике. Наряду с продлением стратегии развития металлургии до 2020 г., были приняты стратегии развития рыбохозяйственного комплекса и фармацевтической промышленности. Более того, была принята Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., установившая новые приоритеты промышленной политики: поддержку базовых (энергетика, металлургия, тяжелое машиностроение, нефтехимическая промышленность и др.) и высокотехнологичных (авиа-, судо-, ракетостроение и др.) отраслей [11]. Эти приоритеты и легли в основу следующего этапа эволюции промышленной политики.

Шестой этап – развитие после кризиса (2010–2011 гг.). Осознание

необходимости преобразований привело к усилению роли экспертного сообщества, при содействии которого была разработана «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». Кроме того, были приняты новые стратегии развития для таких отраслей, как автомобильная промышленность, тяжелое и сельскохозяйственное машиностроение, энергомашиностроение и развитие торговли. Во главу угла была поставленная инновационная составляющая промышленной политики. Для ее поддержания государство использовало меры, преимущественно, горизонтального характера: создавались различные технологические платформы, при участии государства разрабатывались стратегии инновационного развития конкретных предприятий в приоритетных секторах экономики, кроме того, спрос на инновации поддерживался путем госзаказа.

Седьмой этап – промышленная политика после вступления в ВТО (2012–2014 гг.). В августе 2012 г. РФ после 18 лет переговоров вступила в ВТО. Это накладывало на страну целый ряд обязательств, касающихся, в частности, поддержания конкуренции и соблюдения глобальных правил торговли, однако вступление в ВТО открыло и существенные возможности для экспорта российских товаров на зарубежные рынки, однако переломным моментом стало начавшееся в 2014 г. санкционное противостояние, давшее старт новому этапу модернизации промышленной политики. Тем не менее, присоединение к ВТО ознаменовало не только очередной пересмотр государственных приоритетов в экономике (в их число вошли атомная, космическая, авиационная и высокотехнологичная химическая промышленность, фармацевтика, нанотехнологии и др.), но и провозглашение на самом высоком уровне необходимости разработки и проведения последовательной промышленной политики [26]. Одной из ключевых задач данного этапа становится создание рабочих мест для привлечения высококвалифицированных специалистов в инновационной сфере. Кроме того, Президент недвусмысленно дал понять, что «время национальных рынков прошло. Уютных ниш больше не будет. В высокотехнологичном производстве существует только один – глобальный – рынок» [26]. За этим последовало еще большее увеличение числа

государственных приоритетов (всего 14 отраслей), которые были разделены на три группы: новые рынки (биотехнологии, индустриальные парки и др.); традиционные отрасли, продукция которых ориентирована на потребительский спрос (например, автомобильная и легкая промышленность); традиционные отрасли, продукция которых ориентирована на инвестиционный спрос (металлургия, станкостроение и др.). [12] Позднее этот список был расширен, и в новой редакции Постановления появилась четвертая группа: традиционные отрасли и предприятия отдельных отраслей, относящиеся к ОПК и действующие на рынках с ограниченным числом покупателей [9]. «Таким образом, когда фактически приоритетным было признано почти все, понятие приоритета как инструмента концентрации промышленной политики на определенных направлениях утратило силу» [19, С. 74]. И наконец, последняя любопытная особенность данного этапа заключается в том, что с 2013 г. появился новый формат планирования развития приоритетных отраслей – «дорожные карты» (в биотехнологии и генной инженерии, ИКТ, в области инжиниринга и промышленного дизайна, фотоники, производстве композитных материалов).

Восьмой этап – импортозамещающая промышленная политика (2014–2017 гг.). 17 марта 2014 г. США ввели ряд санкций в отношении российских чиновников. Это вызвало цепную реакцию и поддержку со стороны многих развитых стран. В результате список экономических санкций был расширен до включения в него нефтяной, газовой и банковской отраслей. В ответ на это Россия запретила ввоз на территорию РФ отдельных видов сельхозпродукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых является государство, принявшее решение о введении экономических санкций в отношении российских юридических и физических лиц. В список вошли мясные и молочные продукты, рыба, овощи, фрукты и орехи. Позднее были ограничены закупки и ряда товаров легкой промышленности, включая ткани,

одежду, а также изделия из кожи и меха [3]. Так началось продолжающееся и сегодня санкционное противостояние, основным итогом которого для России можно считать не только принятие новых Стратегий национальной [4] и экономической безопасности [6], но и осознание необходимости поворота российской экономической политики в сторону укрепления внутреннего потенциала страны за счет поддержки отечественных производителей и перехода к политике импортозамещения. Для этого был утвержден «План содействия импортозамещению в промышленности», направленный на уменьшение зависимости от импорта и зарубежных технологий в 2015–2020 гг. Наряду с действующими механизмами господдержки (субсидирование части затрат на НИОКР, процентной ставки по кредитам, субсидирование по отраслевому признаку) с 2015 г. начали работать новые механизмы, предусмотренные ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». В соответствии с постановлением Правительства [8] утверждены Правила заключения специальных инвестиционных контрактов, направленные на обновление и создание промышленных мощностей в отдельных отраслях промышленности с привлечением российских и иностранных инвесторов. Новым инструментом господдержки является также фонд развития промышленности, который стал основным координатором процесса импортозамещения [7]. Кроме того, в промышленности создаются особые экономические зоны, индустриальные (промышленные) и технологические парки, территории опережающего развития, инновационные территориальные кластеры и др. [24] Благодаря этому создается достаточный потенциал для постепенного перехода к экспортоориентированной промышленной политике, т.е. закладывается фундамент следующего этапа.

Девятый этап – курс на экспортоориентированное развитие промышленности (2018-2019 гг.). Первые призывы к переходу от импортозамещения к экспортной ориентации промышленности в высших

эшелонов власти прозвучали еще в 2016 г. Тогда министр промышленности и торговли РФ Д. Мантуров и соавторы выдвинули следующий тезис: «Импортозамещение может и должно рассматриваться не только как инструмент уменьшения политических рисков, но и как способ обеспечить экспортоориентированное развитие промышленности» [20, С. 48]. Таким образом, импортозамещение рассматривалось как первый шаг на пути выхода российской продукции на мировые рынки. В 2018 г. данная идея нашла отражение в майских указах Президента [1], где была зафиксирована в качестве одной из целей национального развития до 2024 г. Для ее реализации уже сегодня создан значительный производственный потенциал. В частности, в таких отраслях, как сельское хозяйство, топливно-энергетическая промышленность, деревообработка, производство удобрений, чугуна и стали.

Десятый этап – стабилизация экономики в период пандемии коронавируса (2020). Вероятнее всего, сегодня мы стоим на пороге нового этапа, в том числе и промышленного развития России, однако, судить об этом пока рано. Какой вектор приоритетов будет выбран государством, покажет время.

Заключение. Таким образом, подводя итог, отметим, что на протяжении всего периода становления и эволюции российской промышленной политики правительство делало попытку за попыткой в нахождении источников экономического роста, но утвержденные сроки проходили, а цели не достигались. Последняя новация – переход к проектному бюджетированию и создание национальных проектов по трём направлениям («Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни» и «Экономический рост») также должна была начаться с самих проектов в 2019 г., но из-за отставки Правительства и развернувшейся пандемии коронавируса сейчас была отложена, по некоторым оценкам, вплоть до 2024–2030 гг. [22] Однако есть основания предполагать, что перенос сроков может оказаться полезнее, чем поспешная реализация, т.к. при формировании нацпроектов власти не учли

важное предостережение Дж.М. Кейнса. В «Общей теории занятости, процента и денег» [21] он писал о том, что при отсутствии внутреннего потребительского спроса государство должно предъявить собственный спрос в виде крупных инфраструктурных проектов, снижая налоги и пользуясь правительственными займами. Однако российские власти решили сделать обратное кейнсианскому подходу: повысить налоги и сократить расходы бюджета. Исходя из этого, реализация нацпроектов вряд ли бы достигла своих целей.

Заключение. Итак, прослеженная эволюция промышленной политики современной России позволяет констатировать, что за 30 лет наша страна прошла как минимум девять этапов развития. Можно отметить, что первые три этапа характеризуются минимальным вмешательством государства в экономику, однако осознание ошибочности данного подхода (особенно в период кризиса) создало предпосылки для последующего усиления государственного регулирования промышленности. Отсюда на протяжении всего дальнейшего развития промышленная политика эволюционирует в рамках традиционной модели догоняющего развития (с преобладанием вертикальных методов управления, которые с течением времени все больше дополняются горизонтальными, приобретая характер смешанных). Исключения составляют пятый этап, совпавший с кризисом 2008–2009 гг. (компенсационная модель) и шестой, седьмой, а также девятый этапы, когда благодаря упору на инновационную компоненту или на ключевые преимущества российской экономики промышленная политика развивалась в русле новой модели опережающего развития, а подчас и модели новых приоритетов (шестой и седьмой этапы).

Библиография

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7.05.2018 № 204 // Собр. Законодательства РФ. 2018. № 20. Ст.2817.
2. О порядке передачи в 1995 году в залог акций, находящихся в федеральной собственности: указ Президента РФ от 31 августа 1995г. № 889 // Собр. Законодательства РФ. 1995. № 36. Ст. 3527.
3. О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 (с изм. от 12.07.2018) // Собр. Законодательства РФ. 2014. № 32. Ст. 4470.
4. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 (с изм. от 31.12.2015) // Собр. Законодательства РФ. 2016. № 1. Ст. 212.
5. Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий: указ Президента РФ от 29.12.1991 № 341 // Ведомости Съезда Народных Депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. №3. Ст. 93.
6. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г.: указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 (с изм. от 15.05.2017) // Собр. Законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
7. «О реализации программ импортозамещения в отраслях промышленности»: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 9.12.2015 года № 512-СФ // Собр. Законодательства РФ. 2015. № 50. Ст. 7085.
8. «О специальных инвестиционных контрактах для отдельных отраслей промышленности»: Постановление Правительства РФ от 16.07.2015 № 708 // Собр. Законодательства РФ. 2015. № 30. Ст.4587.

9. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности"»: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 // Собр. Законодательства РФ. 2014. № 18 (Часть IV). Ст. 2173.
- 10.«Об утверждении программы Правительства Российской Федерации "Структурная перестройка и экономический рост в 1997-2000 годах"»: Постановление Правительства РФ от 31 марта 1997 г. № 360 // Собр. Законодательства РФ. 1997. № 19. Ст. 2230.
- 11.Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1663-р // Собр. Законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.
- 12.Распоряжение Правительства РФ от 29.08.2013 № 1535-р // Собр. Законодательства РФ. 2013. № 37. Ст. 4713.
13. «О неотложных мерах по повышению роли государства в регулировании рыночной экономики»: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 11.06.1997 г. № 198-СФ // Собр. Законодательства РФ. 1997. № 25. Ст. 2828.
- 14.«О Концепции экономического и социального развития Российской Федерации на 1996 - 2005 годы»: Постановление Государственной думы Федерального Собрания РФ от 13 июня 1996 г. № 467-II ГД // Собр. Законодательства РФ. 1996. № 26. Ст.3045.
- 15.Абалкин Л.И. и др. Мнения экспертов о правительственной программе // Экономические стратегии. – 2000. – Т. 2. – №. 5. – С.34-42.
- 16.Алиева А.В. Рынок и социализм: анализ теоретических воззрений // Современная экономическая мысль: электронный научно-практический журнал. 2013. № 1. – С. 32-36.
- 17.Гайдар Е.Т. Прыжок к рынку // Правда, 16.04.1990. – № 106.

18. Дранев Я. и др. Опыт реализации промышленной политики в Российской Федерации в 2000–2012 гг.: институциональные особенности, группы интересов, основные уроки / М. – 2014. – 136 с.
19. Идрисов Г.И. Промышленная политика России в современных условиях / М.: Изд-во Ин-та Гайдара. – 2016. – С. 160.
20. Мантуров Д., Никитин Г., Осьмаков В. Планирование импортозамещения в российской промышленности: практика российского государственного управления // Вопросы экономики. – 2016. – № 9. – С. 40-49.
21. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
22. Кризис поставил под угрозу мегапроекты России. Что с ними будет? – [Электронный ресурс] – https://finance.rambler.ru/economics/44482504/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 12.07.20).
23. Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу – [Электронный ресурс] – <https://web.archive.org/web/20100918062948/http://budgetrf.ru/Publications/Programs/Government/Gref2000/Gref2000000.htm> (дата обращения: 01.06.20).
24. Пашкус В.Ю., Зюзина Л.А. Современная промышленная политика: приоритеты развития региональной инновационной системы и проблемы импортозамещения // Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. – 2019. – Т. 10, Вып.2. – С. 76-107.
25. Программа–2000 – что сделано. – [Электронный ресурс] – <https://iq.hse.ru/news/177674728.html> (дата обращения: 01.06.20).
26. Путин В. Нам нужна новая экономика – [Электронный ресурс] – https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (дата обращения: 01.06.20).

References

- On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204 // Assembly of the RF legislation. 2018. No. 20. Art. 2817.
- On the procedure for pledging shares in federal ownership in 1995: Presidential Decree of August 31, 1995 No. 889 // Assembly of the RF legislation. 1995. No. 36. Art. 3527.
- On the application of certain special economic measures to ensure the security of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of 08/06/2014 No. 560 (as amended on 07/12/2018) // Assembly of the RF legislation. 2014. No. 32. Art. 4470.
- On the strategy of national security of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 (as amended on December 31, 2015) // Assembly of the RF legislation. 2016. No. 1. Art. 212.
- On accelerating the privatization of state and municipal enterprises: decree of the President of the Russian Federation of December 29, 1991, No. 341 // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1992. No.3. Art. 93.
- The strategy of economic security of the Russian Federation until 2030: decree of the President of the Russian Federation of 05/13/2017 No. 208 (as amended on 05/15/2017) // Assembly of the RF legislation. 2017. No.20. Art. 2902.
- "On the implementation of import substitution programs in industries": Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of December 9, 2015 No. 512-SF // Assembly of the RF legislation. 2015. No. 50. Art. 7085.

"On special investment contracts for certain industries": Decree of the Government of the Russian Federation of July 16, 2015 No. 708 // Assembly of the RF legislation. 2015. No. 30. Art.4587.

"On the approval of the state program of the Russian Federation “Development of industry and increasing its competitiveness””: Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 328 // Assembly of the RF legislation. 2014. No. 18 (Part IV). Art. 2173.

"On the approval of the Russian Federation Government program “Structural restructuring and economic growth in 1997–2000””: Resolution of the Government of the Russian Federation of March 31, 1997 No. 360 // Assembly of the RF legislation. 1997. No. 19. Art. 2230.

Order of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1663-p // Assembly of the RF legislation. 2008. No. 47. Art.5489.

Order of the Government of the Russian Federation of August 29, 2013 No. 1535-r // Assembly of the RF legislation. 2013. No. 37. Art. 4713.

"On urgent measures to increase the role of the state in the regulation of the market economy": Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of 11.06.1997, No. 198-SF // Assembly of the RF legislation. 1997. No. 25. Art. 2828.

"On the Concept of Economic and Social Development of the Russian Federation for 1996–2005": Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 467-II SD // Assembly of the RF legislation. 1996. No. 26. Art. 3045.

Abalkin L.I. et al. Experts opinions about the government program // Economic strategies. – 2000. – Vol. 2. – No. 5. – Pp. 34–42.

Alieva A.V. Market and socialism: analysis of theoretical views // Modern economic thought: electronic scientific and practical journal. 2013. – No. 1. – Pp. 32–36.

Gaidar E.T. Leap to the market // Pravda, 04/16/1990. – No. 106.

Dranev Y. et al. Experience in the implementation of industrial policy in the Russian Federation in 2000–2012: institutional features, interest groups, main lessons. М. – 2014. – 136 p.

Idrisov G.I. Industrial policy of Russia in modern conditions / М.: Publishing house of the Gaidar Institute. – 2016. – 160 p.

Manturov D., Nikitin G., Osmakov V. The Russian government approach to import substitution planning in industry // Voprosy Ekonomiki. 2016. –No. 9. – Pp. 40-49.

Keynes J.M. The general theory of employment, interest and money. Favorites. – М.: Eksmo, 2007 . – 960 p.

The crisis has threatened Russia's megaprojects. What will happen to them? – [Electronic resource] – https://finance.rambler.ru/economics/44482504/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (accessed: 12/07/20).

The main directions of the socio-economic policy of the Russian Federation Government for the long term – [Electronic resource] – <https://web.archive.org/web/20100918062948/http://budgetrf.ru/Publications/Programs/Government/Gref2000/Gref2000000.htm> (accessed: 01/06/20).

Pashkus V.Yu., Zyuzina L.A. Modern industrial policy: development priorities of the regional innovation system and import substitution problems // Marketing MBA. Enterprise marketing management. - 2019. - Vol. 10, Iss. 2. - Pp. 76-107.

Program-2000 - what has been done – [Electronic resource] – <https://iq.hse.ru/news/177674728.html> (accessed: 01/06/20).

Putin V. We need a new economy – [Electronic resource] – https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (accessed: 01/06/20).

Алиаскарова Жамиля Агыновна, *студентка магистратуры СПбГУ,
экономический ф-т*
aliaskarova1996@mail.ru

Рахман Хашими Матиар Мизанурович, *студент СПбГУ,
ф-т политологии*
matiar2010@yandex.ru

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ И ИХ ВЛИЯНИИ НА РОСТА ВВП

Аннотация

В статье исследуется потенциал национальных проектов РФ как драйвера экономического роста. Дается общая оценка долгосрочного влияния на российскую экономику крупных вложений в инфраструктуру. Анализируется опыт масштабных национальных проектов в других странах, и делаются выводы о применимости этого опыта в российских реалиях.

Ключевые слова: национальные проекты, ВВП, темпы роста экономики, антикризисные меры, ускорение экономического роста, инфраструктурные вложения

RePEc: E60

УДК 338.22

*Aliaskarova Z., graduate student,
St. Petersburg State University, Faculty of Economic
aliaskarova1996@mail.ru*

*Rahman Khashimi Matiar Mizanurovich
graduate student, St. Petersburg State University,
Faculty of Political Science
matiar2010@yandex.ru*

TO THE ISSUE OF NATIONAL PROJECTS AND THEIR IMPACT ON GDP GROWTH

Abstract

The article explores the potential of Russian national projects as a driver of economic growth. An overall assessment of the long-term impact of large infrastructure investments on the Russian economy is given. The experience of ambitious national projects of other countries is also analyzed and conclusions about the applicability of this experience in Russia are made as well.

Keywords: national projects, GDP, economic growth rates, anti-crisis measures, accelerating economic growth, infrastructure investments

RePEc: E60

УДК 338.22

УДК 338.22

Алиаскарова Жамиля Агыновна, студентка магистратуры СПбГУ,
экономический ф-т
aliaskarova1996@mail.ru

Рахман Хашими Матиар Мизанурович, студент СПбГУ,
ф-т политологии
matiar2010@yandex.ru

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ И ИХ ВЛИЯНИИ НА РОСТА ВВП

*Aliaskarova Z., graduate student,
St. Petersburg State University, Faculty of Economic
aliaskarova1996@mail.ru*

*Rahman Khashimi Matiar Mizanurovich
student, St. Petersburg State University,
Faculty of Political Science
matiar2010@yandex.ru*

TO THE ISSUE OF NATIONAL PROJECTS AND THEIR IMPACT ON GDP GROWTH

В 2008 г. российская экономика впервые в новом столетии столкнулась с серьезным кризисом. Несмотря на последовавшее за тем быстрое восстановление в 2010-2011 гг., прежние темпы роста (6-8% в год) вернуть так и не удалось, а снижение роста ВВП до уровня ниже 3% произошло ещё до падения цен на нефть в 2014 году [6]. Именно тогда РФ вновь оказалась вовлечена в ощутимый политико-экономический кризис, меры по борьбе с которым были более эффективными: ЦБ адаптировал финансовую систему к низким ценам на сырьё (плавающий курс рубля), уменьшил зависимость

бюджета от цен на энергоносители (бюджетное правило), а также стабилизировал, а затем даже снизил инфляцию до рекордных значений (меньше 3% при целевых показателях в 4%).

Также отчасти успешной оказалась политика импортозамещения. К сожалению, добиться серьёзных результатов удалось только в области продовольствия: причём успехи связаны не столько с политикой импортозамещения, сколько с опубликованной ещё за четыре года до этого «Доктриной продовольственной безопасности РФ». Так или иначе, большинства указанных в Доктрине показателей по производству основных продовольственных товаров удалось достичь ещё в 2016 г., к 2020 г. же она была выполнена полностью. Кроме того, Россия стала одним из лидеров по экспорту зерна, а также увеличила экспорт мяса (несмотря на существовавшие ранее проблемы с самообеспечением). В этом году Президентом была утверждена новая редакция доктрины до 2030 г. [18]. В других областях, например, в обрабатывающей промышленности, прорывных показателей достичь не удалось.

Таким образом, несмотря на запуск ряда госпрограмм, антикризисные меры по восстановлению экономики и в 2009, и в 2015 гг. были в основном направлены на стимулирование внутреннего спроса – компенсация потерь крупным компаниям, увеличение зарплат бюджетников (в том числе и в рамках майских указов Президента). Однако, несмотря на относительно успешное преодоление кризисных явлений, правительство делало попытку за попыткой в нахождении источников экономического роста, но утвержденные сроки проходили, а цели не достигались [18]. В связи с этим возникла необходимость в разработке новых программных документов стратегического планирования, направленных на комплексное решение проблем российской экономики (диверсификация, цифровизация, рост инвестиций и т.д.). Призыв к этому прозвучал в указе Президента «О национальных целях и стратегических задачах

развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года.

В стране, по сути, наметился переход от экономики спроса к экономике производства – стимулировании развития производственных секторов с привлечением крупных государственных инвестиций в производственную, транспортную и социальную инфраструктуру, результатом которых должно стать достижение национальных целей и приоритетов. В их число помимо роста численности населения, продолжительности жизни и доходов граждан, а также снижения уровня бедности в два раза, входят «создание в базовых отраслях экономики высокопроизводительного экспортоориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами» и «обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере» [1].

Национальные проекты в России. В результате были разработаны 12 национальных проектов по трём направлениям: «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни» и «Экономический рост». Опосредованно они явились преемниками национальных проектов, принятых в 2005 г. Предполагается, что за 6 лет на них будет потрачено не менее 25 трлн рублей. Больше половины из этой суммы, а именно 13 трлн рублей, придется на бюджетные ассигнования, остальные средства планируется покрыть из внебюджетных источников. Для сравнения, объем фонда национального благосостояния на 1 сентября 2020 составил 13 трлн 257 млрд рублей [14].

Важно также отметить, что национальные проекты – это лишь малая часть государственных программ, но именно на них возложена задача обеспечить прорыв в российской экономике. Благодаря этому, будучи определены как приоритетные, они имеют особую систему управления и контроля – с участием Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам. Однако, общий успех нацпроектов зависит не только от реализации приоритетных госпрограмм и крупных федеральных проектов. Важной частью

выполнения ключевых показателей является реализация менее масштабных ведомственных проектов, выполняющих в данном случае вспомогательную функцию. Отсюда проистекает и сравнительно небольшая доля национальных проектов в бюджете. Для примера, расходы на нацпроект «Здравоохранение» составляют всего 7% от общих затрат на здравоохранение. То же самое наблюдается и с нацпроектом «Культура», аналогичный показатель для которого – около 3%. Исходя из этого, становится очевидно насколько важна для выполнения национальных проектов повседневная работа органов государственной власти на местах. Национальные цели оказываются недостижимы исключительно за счёт проектной составляющей госпрограмм, не менее важная роль у различных процессных мероприятий, призванных поддержать текущее состояние и сохранить уже достигнутые результаты. Речь идёт об осуществлении контроля и надзора, реализации социальных гарантий, своевременном оказании услуг, нормотворческой деятельности и других показателях качества государственного управления. Для этих целей могут быть использованы, в том числе, ведомственные целевые программы.

На этом этапе и возникает проблема соотношения нацпроектов и госпрограмм различного уровня. Несмотря на их взаимосвязь и взаимозависимость, а также зачастую схожий функционал и общие цели, они действуют почти независимо друг от друга. Один из возможных способов борьбы с этой рассогласованностью – подстроить существующие госпрограммы под нацпроекты. В таком случае, мы можем ставить знак равно между нацпроектом «Здравоохранение» и соответствующей госпрограммой «Развитие здравоохранения». Однако, эта схема действий работает не всегда. Во-первых, это означает не учёт большого количество важных мероприятий и расходов на них, которые не являются прорывными и соответственно не будут интегрированы в национальные проекты. Во-вторых, большинство нацпроектов носят межотраслевой характер. Например, реализация нацпроекта

«Демография» включает в себя комплекс мероприятий как из области здравоохранения, так и относящихся к образованию и даже физкультуре и спорту. В результате все федеральные проекты нацпроектов вписаны в структуру госпрограмм, а не наоборот. При этом часть из них (например, «Здравоохранение») интегрированы в одну госпрограмму, а другие вписаны сразу в несколько программ, реализация которых в значительной степени возложена на субъекты РФ, на долю которых приходится около 80% расходов на осуществление нацпроектов.

Как видим, государство переложило большую часть обязательств по реализации нацпроектов на нижестоящие уровни управления и, в конечном счете, на самих граждан. В результате есть основания предполагать, что перенос сроков запуска нацпроектов из-за начавшейся пандемии коронавируса и отставки Правительства с 2019 г., по некоторым оценкам, вплоть до 2024-2030 гг., может оказаться полезнее, чем их поспешная реализация, т.к. при формировании нацпроектов власти не учли важное предостережение Дж.М. Кейнса. В «Общей теории занятости, процента и денег» он писал о том, что при отсутствии внутреннего потребительского спроса государство должно предъявить собственный спрос в виде крупных инфраструктурных проектов, снижая налоги и пользуясь правительственными займами [5]. Однако российские власти решили сделать обратное кейнсианскому подходу: повысить налоги и сократить расходы бюджета. Исходя из этого, реализация нацпроектов вряд ли достигнет своих целей.

Мировой опыт реализации нацпроектов. Немаловажным выглядит и учет опыта других стран, ведь Россия является далеко не первой страной, в планах которой ускорить рост ВВП за счёт крупных вложений в инфраструктуру и реализации национальных проектов. Ниже рассмотрим опыт некоторых из этих стран.

Первым разберём пример Китая, опыт которого в реализации крупных

госпроектов является одним из главных ориентиров для российских чиновников. В 2000-е годы экономика КНР росла на 8-14% в год (против 4,7-8% у России). [9] Главными источниками роста были иностранные инвестиции и урбанизация – за Китаем прочно закрепился статус мировой фабрики, с огромной долей экспортных доходов в структуре экономике. Рост стоимости труда (вместе с повышением уровня жизни населения) требовал постепенной переориентации экономики на внутренний спрос [2], также денежных вливаний со стороны государства потребовали и последствия мирового кризиса 2008 года. Именно государственные инвестиции (4 трлн юаней или 586 млрд долларов) позволили тогда быстро оправиться от кризиса и уже в следующем году вырасти на 9,4%. Большинство из них пошло на строительство транспортной инфраструктуры, электросетей и бюджетного жилья - на них пришлось около 80% выделенных средств [19].

Развитие инфраструктуры в рамках региональных и федеральных государственных программ до сих пор остаётся серьёзным стимулом китайской экономики. Выбор проектов для инвестиций в большинстве случаев остается за региональными властями, эффективность этих инвестиций и рост валового регионального продукта в провинциях напрямую влияют на КРІ местных чиновников. Кроме прямых государственных вложений, ещё больше (4,6 трлн) было выделено на инфраструктурные проекты в форме кредитов, что сильно увеличило внутренний долг провинций (суммарно до 282% ВВП) [19].

Следующей важной целью стала борьба с бедностью – до начала реформ 1978 г. в крайней нищете жило 95% населения Китая, к 2012 г. этот показатель снизился до 7% или 99 млн человек [3]. Борьба с бедностью была объявлена одной из «трех великих битв» китайского государства – к 2020 г. планировалось достичь нулевого уровня бедности [19]. Актуальность этих планов, несмотря на пандемию, была подтверждена на сессии Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая в мае этого года. Ежегодно на

программы по борьбе с бедностью тратились миллиарды долларов (в 2019 – 13 млрд): в основном на строительство нового жилья и развитие промышленности в экономически неразвитых районах страны. Китай является лидером в мире по успехам в этой области, помогая опытом и деньгами и другим странам. В «Докладе о прогрессе, достигнутом Китаем в реализации Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года» говорится об участии КНР в более чем 100 проектах по борьбе с бедностью в развивающихся странах [24]. Впрочем, несмотря на это в Китае по-прежнему низкий уровень ВВП на душу населения (ниже, чем в России и в абсолютных числах, и по ППС), а также высокий уровень экономического неравенства (коэффициент Джини больше 0,4).

В 2015 г. была запущена государственная программа «Сделано в Китае – 2025», призванная развивать высокотехнологичные отрасли китайской экономики (робототехника, аэрокосмическая сфера) и в конечном счёте превратить страну в глобального технологического лидера. Сейчас китайские компании, как показывает внедрение 5G технологий [16] или, например, систем видеонаблюдения [23], конкурентоспособны на мировом рынке высоких технологий благодаря меньшей цене на продукцию, хотя по-прежнему уступают в качестве американским. К 2025 г. ситуация вполне может кардинально измениться.

Несмотря на то, что к концу десятилетия темпы роста китайской экономики постепенно замедлялись, а в 2018-2019 гг. последовательно фиксировались минимумы роста с 1990 г. (6,6% и 6,2%), по итогам 2020 г. МВФ прогнозирует рост экономики КНР на 1,2% (против -3% мирового ВВП), а затем сразу 9,2% роста в 2021 г. (лучший показатель в мире) [17].

Но так ли актуален китайский опыт для России? В Китае большое внимание уделялось урбанизации, доля городского населения там превысила 50% лишь в 2014 г. [10, с. 273]. Национальные проекты помогали развивать

сельские территории и высвободить огромные трудовые ресурсы из неэффективного сельского хозяйства [8, с. 173]. В России же доля сельского населения меньше 50% лишь в нескольких регионах на Кавказе, а в целом по стране, доля городского населения была на уровне 73% уже в 2001 и за 19 лет выросла только на 2% [26]. Китаю также ещё только предстоит столкнуться со старением и сокращением населения, в то время как для России демографические проблемы актуальны уже давно. Интересно, что в Китае параллельно с национальными проектами снижали налоги, например, НДС, а в России НДС, наоборот, подняли для сохранения средств на нацпроекты, тем самым предположительно сократив потенциальный рост ВВП на пол процентных пункта [19]. Нельзя не отметить и куда более высокий уровень эффективности государственного управления в Китае. Реально полезным для России может быть только опыт Китая по борьбе с бедностью – Правительство Мишустина вполне может использовать успешный опыт работы российских фискальных служб в последние годы для налаживания более эффективной адресной помощи (чтобы пособия получали именно те, кто больше всего в них нуждается). И в результате достигнуть планируемых показателей к 2024 г. (снижение числа бедных в два раза по отношению к 2019 г. до 6,6% от численности населения) [22]. В первую очередь сокращение числа бедных может произойти за счёт тех семей, уровень доходов которых сейчас лишь незначительно меньше прожиточного минимума.

Обратимся к другим примерам реализации национальных проектов. Индия – также одно из государств с самым быстрорастущим ВВП в 2010-х. В 2014 г. в стране была объявлена программа модернизации экономики Make in India («Делай в Индии»). В ней были выделены 25 приоритетных отраслей экономики, для которых обещали обеспечить льготы, а также упростить процедуры привлечения иностранного капитала. [4] Это сработало – в 2015-2016 гг. прямые иностранные инвестиции росли, а рост ВВП превысил 7% в год

[15]. Но сейчас мы видим, что прежние ресурсы роста (внутренний спрос, частные инвестиции) практически исчерпаны – в 2019 г. ВВП вырос лишь на 4,5%, в этом году прогнозируется спад более чем на 10% из-за пандемии, к прежнему уровню экономика может не вернуться даже в 2021 году [17]. В 2019 г. индийское правительство объявило о разработке инициативы «Национальный инфраструктурный конвейер», в рамках которой планировалось в течение пяти лет вложить 1,4 трлн долларов в развитие инфраструктурных проектов. По замыслам руководства страны эти вложения должны были обеспечить удвоение индийского ВВП к 2025 году [13]. К сожалению, мы не знаем, как завершилась бы эта инициатива без влияния коронавируса. Несмотря на успешные административные реформы последних десятилетий [11, с. 182] и довольно высокий уровень восприятия коррупции [25], в Индии реализация реформ часто сталкивается с непредсказуемыми политическими и религиозными факторами на местах.

Следующий пример также будет относиться к развивающимся странам – речь пойдёт о Бразилии. Всемирный Банк стабильно оценивает инфраструктуру Бразилии как страдающую от недоинвестированности и считает, что увеличение вложений в неё в 2000-2013 гг. увеличило бы экономический рост на 4,4% в год. Формально, Бразилия с 2000-го года развивала различные национальные программы («Бразилия в действии, улучшение Бразилии», «Пилотный проект по инвестициям» и др.) В частности, «Программа по повышению роста» предполагала государственные инвестиции в инфраструктуру на сумму свыше 700 млрд долларов. Планировалось значительно улучшить городскую инфраструктуру к крупным международным событиям, проходящим в Бразилии (Чемпионат мира по футболу в 2014 г., Олимпийские игры в 2016 г.). На деле же исполнение бюджета по госинвестициям на протяжении всего периода (2007-2012 гг.) не превышало 30% [19]. Между прочим, именно с такой же проблемой сталкиваются сейчас и российские национальные проекты. Реального

инвестирования не происходило не столько из-за недостатка средств, сколько из-за неэффективности государственного аппарата, его неспособности использовать средства. Агенство RAEX приводит ряд примеров незавершенных проектов, расходы на которые уже значительно превысили изначальные сметы: железная дорога Transnordestina, система канализации на северо-востоке Бразилии, возведение и реставрация спортивных и исторических объектов. Одним из итогов амбициозных планов стал рост социальной напряженности, народное недовольство и политическая нестабильность, приведшие к импичменту президента Дилмы Руссеф, а также потере власти «Партией трудящихся», которая возглавляла до этого правящую коалицию с 2003 года.

Можно вспомнить и ещё один пример неудачной попытки диверсифицировать экономику с помощью национальных проектов, актуальный для России как для сырьевой экономики. В 2015 г. в Саудовской Аравии была запущена программа «Видение 2030». Она включала около сотни проектов развития несырьевых отраслей экономики. Предполагалось развивать малое и среднее предпринимательство (довести их долю в ВВП до 35%), строить новые больницы, вводить в строй атомные электростанции и многое другое [15]. Однако, снижение цен на нефть в 2020 г. и пандемия коронавируса по сути заставила саудовское правительство отказаться от амбициозных планов, урезать расходы на социальную сферу и даже резко поднять налоги (НДС с 5% до 15%) [12]. Как видим, изменение внешней обстановки почти мгновенно свело на нет предыдущие траты на крупные инфраструктурные проекты и поставило под сомнение их дальнейшую реализацию в целом.

Впрочем, в случае России может существовать и ещё одна проблема. В большинстве рассмотренных примеров денежные вливания в инфраструктуру были действительно необходимы и полезны для развития экономики стран. Недостаточность инфраструктурного развития остро ощущалась экономическими субъектами и тормозила развитие промышленности и

производств. С Россией же всё не так очевидно – недостаточное развитие инфраструктуры далеко не главная причина стагнации экономики, а вложения в неё совсем не обязательно сколько-нибудь существенно повлияют на рост ВВП, т.к. условия для развития бизнеса остаются тяжёлыми (а с учётом увеличения налогов, становятся даже хуже). А как показывает практика (в США и ЕС) [19] при достаточно высоком (или хотя бы среднем) развитии инфраструктуры дополнительные денежные вливания почти не дают мультипликативного эффекта [7].

Заключение. Мы видим, что экономический эффект от осуществления нацпроектов оказывается под вопросом по следующим причинам:

- во многом расходы на национальные проекты просто покрывают обычные расходы федерального бюджета (19% в 2019 г., 26% в первой половине 2020 г.) [19];
- неисполнение расходов федерального бюджета в 2019 г. составило 1 трлн рублей [20], большая часть этих средств должна была пойти как раз на реализацию национальных проектов, в будущем это может стать причиной повторения печального опыта Бразилии;
- параллельно с запуском нацпроектов в России поднимаются налоги: это противоречит и кейнсианским принципам, и успешному опыту Китая. По оценкам агентства RAEX симметричное снижение налогов (например, не повышение НДС в 2019 г.) привело бы к такому же эффекту, как и увеличение госрасходов на ту же сумму;
- низкое качество администрирования госрасходов может существенно снизить и без того небольшой вклад нацпроектов в ускорение роста экономики;
- для российской экономики недостаточное развитие инфраструктуры не является главной проблемой: куда важнее прозрачные условия для бизнеса, независимая судебная система, низкие или хотя бы не растущие налоги, благоприятные условия для привлечения иностранных

инвестиций. В России налоги снизили только для IT-компаний, но даже этим снижением смогут воспользоваться далеко не все;

- от других развивающихся стран Россию отличают демографические проблемы, которые усугубила пандемия коронавируса. По оценкам Правительства, за пять лет население может сократиться на 1,2 млн человек [21] и национальные проекты едва ли решат эту проблему;
- в странах с уровнем развития инфраструктуры выше среднего (к которым относится и Россия) эффект от её улучшения исключительно за счёт государства без предварительной заинтересованности со стороны бизнеса может быть малозаметным [7, с. 23].

Исходя из этого, можно заключить, что не стоит ожидать от национальных проектов мощного импульса для развития национальной экономики. В лучшем случае нацпроекты улучшат ситуацию с занятостью и уменьшат бедность, и вследствие этого позволят незначительно ускорить рост ВВП. Однако в таком случае для достижения заветных 3% роста экономики, по некоторым оценкам могут потребоваться инвестиции на уровне 15% ВВП в год на протяжении довольно многих лет [7, с. 25], в то время как весь объем ФНБ на 1 сентября 2020 составляет 11% ВВП [14].

Библиография

1. Указ Президента Российской Федерации "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года" от 07.05.2018 № 204 // Российская газета. – 2018.– №97. – С. 1-3.
2. Huchet J.-F., Richet X., Ruet J. Globalisation in China, India, and Russia: Emergence of National Groups and Global Strategies of Firms. – New Delhi: Academic Foundation, 2007. – 363 p.

3. Ващук А.Э., Титов В.О., Благих И.А. Макроэкономическое развитие России, Индии и Китая: возможности сотрудничества // Проблемы современной экономики. — 2018. — №4. — С. 72-76
4. Волкова А.В. Особенности формирования политико-административных институтов развития в современной Индии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Политология. Международные отношения. — 2015. — Вып. 3. — С. 37–45.
5. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с.
6. Лякин А.Н. Три кризиса по одному сценарию // Вестник СПбГУ. Экономика. — 2018. — Т. 34, Вып. 1. — С. 4-25.
7. Мовчан А.А. Коротко о главном: российская экономика в XXI веке. — М.: Московский центр Карнеги, 2016. — 39 с.
8. Погудина Ю.Ю. Особенности процесса урбанизации в Китае // Вестник СПбГУ. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2011. — Вып. 4. — С. 171-177.
9. Финансовая система Китая / Иванов В.В., Покровская Н.В. и др. — М.: Проспект, 2018. — 336 с.
10. Чубаров И.Г. Урбанизация нового типа в КНР // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. — Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. — С. 272-273.
11. Штатина М.А. Административные реформы в Индии // Труды Института государства и права РАН. — 2019. — Т. 14, №1. — С. 166-190.
12. Будущее откладывается. Саудовская Аравия прощается с сырьевым благополучием // ТАСС — [Электронный документ] — <https://tass.ru/ekonomika/8531687> (дата обращения: 10.10.2020).

13. Индия инвестирует в национальные инфраструктурные проекты \$1,4 трлн // ИА Regnum – [Электронный документ] – <https://vk.cc/aB6Pt1> (дата обращения: 10.10.2020).
14. Информационное сообщение о результатах размещения средств Фонда национального благосостояния // Минфин РФ – [Электронный документ] – <https://vk.cc/aB6OJe> (дата обращения: 17.10.2020).
15. История реализации национальных проектов в разных странах // ТАСС – [Электронный документ] – <https://tass.ru/info/6101801> (дата обращения: 09.10.2020).
16. Китай и США борются за лидерство в развертывании 5G-сетей // Ведомости – [Электронный документ] – <https://vk.cc/aBcw0T> (дата обращения: 10.10.2020).
17. МВФ считает, что мировой ВВП упадет почти на 4,4% в 2020 году // ТАСС – [Электронный документ] – <https://tass.ru/ekonomika/9704743> (дата обращения: 14.10.2020).
18. Мишустин заявил, что Россия выполнила доктрину продовольственной безопасности // ТАСС – [Электронный документ] – <https://tass.ru/ekonomika/9024343> (дата обращения: 15.10.20).
19. Национальные проекты: ожидания, результаты, перспективы // Raexpert.ru – [Электронный документ] – <https://vk.cc/aB6Qsl> (дата обращения: 09.10.2020).
20. Неисполнение расходов бюджета в 2019 году составит 1 триллион рублей // Российская Газета – [Электронный документ] – <https://vk.cc/aBdWq7> (дата обращения: 10.10.2020).
21. Правительство резко ухудшило прогноз по убыли населения России // РБК – [Электронный документ] – <https://vk.cc/aB9A8w> (дата обращения: 14.10.2020).

22. Правительство утвердило план по снижению бедности и ускорению экономики // РБК – [Электронный документ] – <https://vk.cc/9nlx8c> (дата обращения: 09.10.2020).
23. Сделано не в Китае: как устроена система видеонаблюдения Москвы // Carnegie.ru – [Электронный документ] – <https://vk.cc/aBcvR8> (дата обращения: 10.10.2020).
24. Страна, победившая нищету // Российская Газета – [Электронный документ] – <https://vk.cc/aBcwwe> (дата обращения: 10.10.2020).
25. Индекс восприятия коррупции // Трансперенси Интернешнл – [Электронный ресурс] – <https://vk.cc/aoRfc4> (дата обращения: 10.10.2020).
26. Росстат – [Электронный ресурс] – <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.10.2020).

References

- Decree of the President of the Russian Federation "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024" dated 07.05.2018 No. 204 // Rossiyskaya Gazeta. – №97. – Pp. 1-3.
- Huchet J.-F., Richet X., Ruet J. (2007) Globalisation in China, India, and Russia: Emergence of National Groups and Global Strategies of Firms. – New Delhi: Academic Foundation.
- Vashchuk A.E., Titov V.O., Blagikh I.A. (2018) Macroeconomic development of Russia, India and China: opportunities for cooperation // Problems of modern economy. – No. 4. – Pp. 72-76
- Volkova A.V. (2015) Features of the formation of political and administrative development institutions in modern India // Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 6: Political Science. International relationships. – Iss. 3. – Pp. 37–45.

- Keynes J.M. (2013) General theory of employment, interest and money. – Moscow: CJSC "Business".
- Lyakin A. N. (2018) Three crises according to one scenario // Bulletin of St. Petersburg State University. Economy. – Vol. 34, Iss. 1. – Pp. 4-25.
- Movchan A.A. (2016) Briefly about the main thing: the Russian economy in the XXI century. - Moscow: Carnegie Moscow Center.
- Pogudina Yu.Yu. (2011) Features of the urbanization process in China // Bulletin of St. Petersburg State University. Language and Literature. – Iss. 4. – Pp. 171-177.
- The financial system of China (2018) / V.V. Ivanov, N.V. Pokrovskaya et al. – Moscow: Prospect.
- Chubarov I.G. (2015) Urbanization of a new type in the PRC // Russia and China: history and prospects of cooperation. – Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. – Pp. 272-273.
- Shtatina M.A. (2019) Administrative reforms in India // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – Vol. 14, No. 1. Pp. 166-190.
- Mishustin stated that Russia has complied with the food security doctrine // TASS URL: <https://tass.ru/ekonomika/9024343> (date accessed: 10/15/20).
- Information message on the results of the placement of funds from the National Wealth Fund // Ministry of Finance of the Russian Federation URL: <https://vk.cc/aB6OIe> (date of access: 10/17/2020).
- The 2010s turned out to be a difficult time for the global economy. But in some countries, life has become much better // Meduza URL: <https://vk.cc/adwXpl> (date accessed: 10/10/2020).
- National projects: expectations, results, prospects // Raexpert.ru URL: <https://vk.cc/aB6Qsl> (date accessed: 10/09/2020).
- The country that defeated poverty // Rossiyskaya Gazeta URL: <https://vk.cc/aBcwwe>

(date accessed: 10/10/2020).

China and the United States are fighting for leadership in the deployment of 5G networks // Vedomosti URL: <https://vk.cc/aBcw0T> (date accessed: 10/10/2020).

Made not in China: how the video surveillance system of Moscow works // Carnegie.ru URL: <https://vk.cc/aBcvR8> (date accessed: 10/10/2020).

The IMF believes that global GDP will fall by almost 4.4% in 2020 // TASS URL: <https://tass.ru/ekonomika/9704743> (date of access: 10/14/2020).

The government approved a plan to reduce poverty and accelerate the economy // RBK URL: <https://vk.cc/9nlxec> (date accessed: 09/10/2020).

The history of the implementation of national projects in different countries // TASS URL: <https://tass.ru/info/6101801> (date of access: 10/09/2020).

India invests \$ 1.4 trillion in national infrastructure projects // IA Regnum URL: <https://vk.cc/aB6Pt1> (date accessed: 10/10/2020).

Corruption Perceptions Index // Transparency International URL: <https://vk.cc/aoRfc4> (date accessed: 10/10/2020).

The future is delayed. Saudi Arabia says goodbye to raw material prosperity // TASS URL: <https://tass.ru/ekonomika/8531687> (date accessed: 10/10/2020).

Non-fulfillment of budget expenditures in 2019 will amount to 1 trillion rubles // Rossiyskaya Gazeta URL: <https://vk.cc/aBdWq7> (date of access: 10/10/2020).

The government has sharply worsened the forecast for the decline in the population of Russia // RBK URL: <https://vk.cc/aB9A8w> (date of access: 10/14/2020).

Rosstat URL: <https://rosstat.gov.ru/> (date accessed: 10/10/2020).

Баландина Диана Мартовна

студентка бакалавриата СПбГУ, ф-т политологии

st068555@student.spbu.ru

ИЗМЕРЕНИЕ УРОВНЯ БЕДНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация

Одна из важных проблем, с которой сталкивается современная экономика – измерение уровня бедности. В статье приводятся разные подходы к оценке уровня бедности – относительный, абсолютный и субъективный, а так же приводится новый подход – подход с помощью индекса многомерной бедности, который должен будет стать самым надежным измерителем бедности, показывающем неспособность граждан удовлетворить свои потребности по трем направлениям (образование, здоровье и качество жизни).

Ключевые слова: уровень бедности, относительная бедность, абсолютная бедность, субъективная бедность, многомерный подход к бедности, цифровизация.

RePEc: I32, E60

УДК 330.341.2, 338.22

Balandina Diana Martovna
student, St. Petersburg State University,
faculty of political science
st068555@student.spbu.ru

MEASURING POVERTY IN THE RUSSIAN FEDERATION: APPROACHES AND PROSPECTS

Abstract

One of the important problems facing the modern economy is measuring the level of poverty. The article provides different approaches to assessing the level of poverty - relative, absolute and subjective, as well as a new approach - an approach using the multidimensional poverty index, which should become the most reliable measure of poverty, showing the inability of citizens to meet their needs in three areas (education, health and quality of life).

Keywords: poverty level, relative poverty, absolute poverty, subjective poverty, multidimensional approach to poverty, digitalization.

RePEc: I32, E60

УДК 330.341.2, 338.22

УДК 330.341.2, 338.22

Баландина Диана Мартовна

студентка бакалавриата СПбГУ, ф-т политологии

st068555@student.spbu.ru

ИЗМЕРЕНИЕ УРОВНЯ БЕДНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Balandina Diana Martovna

student, St. Petersburg State University,

faculty of political science

st068555@student.spbu.ru

MEASURING POVERTY IN THE RUSSIAN FEDERATION: APPROACHES AND PROSPECTS

После тяжёлого во всех отношениях для населения России периода 1990-х годов наступило время экономического роста, финансового, промышленного, сельскохозяйственного подъёмов и, как следствие, улучшения благосостояния граждан. На этом фоне не перестала существовать, но существенно смягчилась проблема бедности. Однако после нескольких экономических кризисов 2009-2010 гг. и 2014-2016 гг., которые привели к снижению реальных доходов населения, эта тема в нашей стране вернула себе статус политической повестки дня. Проблема прогрессирует, что доказывает необходимость соответствующих мер и действий по её предотвращению. Так, майским Указом 2018 года Президент Российской Федерации, В. В. Путин, постановил уменьшить уровень бедности в два раза до 2024 года [2]. Чтобы разработать и выполнить поставленную задачу, ответственным государственным органам и структурам необходимо в точности представлять масштабы проблемной ситуации, её

характер и специфические черты, выявить которые позволят соответствующие статистические данные и аналитические обзоры.

В России метод измерения бедности согласуется с общепринятыми международными подходами. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) применяет абсолютную концепцию с монетарным подходом. Данный расчёт основан на соответствии доходов или расходов населения установленному минимуму средств существования, для чего определяется минимальный стандарт, относительно которого осуществляется измерение бедности, а также выбираются показатели, отражающие условия жизни населения. Другими словами, этот подход показывает часть общества, представители которой не могут обеспечить себя всем необходимым набором товаров и услуг, позволяющим нормально существовать и заниматься трудовой деятельностью. К категории бедных относятся те люди, чьи доходы не превышают черту бедности, которая соответствует стоимости минимальной национальной корзины потребления товаров и услуг. Таким образом, при монетарном подходе применяются два базовых компонента: граница бедности и показатели благосостояния. [5] Под первым подразумевается прожиточный минимум, под вторым – доходы или расходы населения, на основе которых осуществляется его ранжирование. Официально в России прожиточный минимум стал рассчитываться с 1992 г., когда вышел указ Президента, потребовавший разработать республиканский минимальный потребительский бюджет исходя из набора потребительских товаров и услуг [1]. Необходимо отметить, что абсолютный монетарный подход имеет свои недостатки, которые будут проанализированы в заключении.

Альтернативная концепция определения уровня бедности – относительная. Она широко применяется в странах Европейского Союза и Организации экономического сотрудничества и развития. Согласно этому

статистическому методу, под чертой бедности подразумевается располагаемый эквивалентный доход, который после уплаты налоговых сборов составляет не менее 40, 50 или 60% национального среднего дохода, существующего в рассматриваемой стране. Такой подход, при котором бедные рассматриваются не только в качестве неспособных позволить себе даже минимальный набор товаров и услуг, но и тех, кто не в состоянии поддерживать нормальный образ жизни, свойственный представителям среднеобеспеченных слоёв населения, может восполнить недостатки абсолютного, сделать его более объективным [14].

Результаты статистики, основанной на этой концепции, применяются для разработки проектов по предотвращению бедности и определения количества нуждающихся в социальной помощи, а также для отслеживания и предотвращения социальной напряженности. [7] Благодаря возможности получать такие данные, этот метод распространён во многих странах в качестве дополнительного источника информации, в том числе и в отдельных государствах, которые входят в СНГ, а именно в Беларуси, Молдове, России и Украине. Однако в этих странах такой подход используется скорее в теоретической области, чем прикладной, его результаты не применяются в государственной отчетности так, как результаты абсолютной концепции.

Наряду с вышеперечисленными официальными концепциями существует и понятие субъективной бедности. Субъективная бедность определяется личным мнением граждан о соотношении их доходов и расходов и оценкой собственного материального положения, что позволяет определить степень социальной удовлетворённости жителей страны. Объективность в данном методе достигается применением некоторых критериев, подтверждающих, что люди не могут обеспечить принятый в рассматриваемом обществе уровень потребления,

так как их поведение вынужденно отличается от общепринятого.

В данном случае к бедным относят тех, кто считает, что их доходы и имущество не позволяют в достаточном объеме удовлетворять свои потребности. Этот метод применяется в России, но его результаты, как и результаты относительной концепции, не являются официальными показателями уровня бедности. Тем не менее, он позволяет выявить социальное самочувствие населения, которое невозможно определить лишь сухими цифрами названных концепций, но не даёт понимание о реальном уровне бедности [11, с. 330].

Анализируя данные, предоставляемые Федеральной службой государственной статистики, можно заметить, как в период с 2000 г. по 2013 г. количество бедных граждан стабильно и существенно уменьшалось, а именно, согласно применяемой Росстатом методологии, снижался уровень абсолютной монетарной бедности. В 2008 г. начался мировой финансовый кризис, который не обошёл стороной и Россию. Реакцией российского правительства на этот кризис явилось сокращение темпов решения проблемы бедности. Однако ряд мер, которые были вовремя предприняты Правительством, в том числе повышение МРОТ, размера пенсий и пособий по безработице, не допустили увеличения доли населения, доходы которой были бы ниже черты прожиточного минимума. В итоге, с 2000 г. на момент 2013 г. уровень бедности снизился с 29,0 до 10,8% (рис.1).

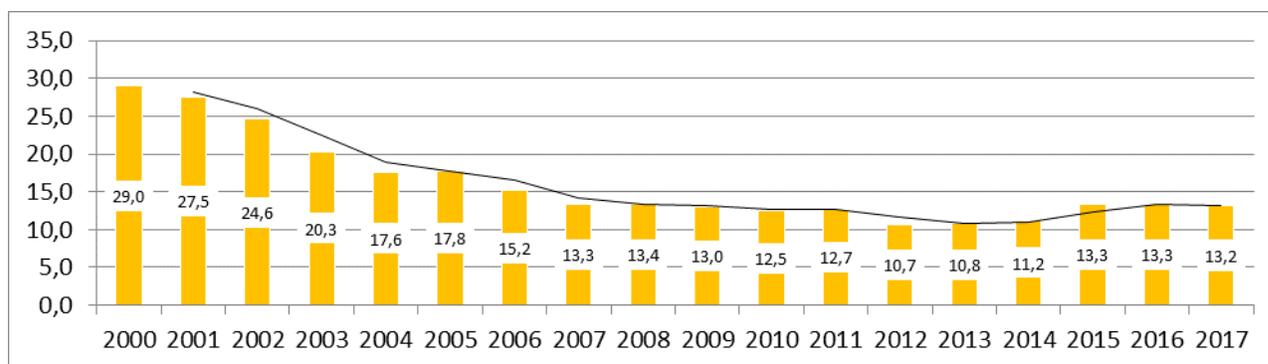

Рисунок 1. – Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в России в период с 2000 по 2017 гг., % [17]

Но уже второй, вновь последовавший экономический кризис, начавшийся в 2014 г. и вызванный прежде всего введенными против России санкциями, сопровождался уменьшением уровня доходов россиян, что привело к новой волне снижения доходов. [3] Таким образом, к 2017 г. показатель уровня бедности достиг отметки 13,2 %.

Одной из черт абсолютной монетарной бедности в России является наличие такой части населения, которая называется работающими бедными. [4] Это люди, чей размер заработной платы при наличии неработающих членов семьи не позволяет преодолеть границу бедности. Подобная проблема часто возникает в домохозяйствах с детьми. Стоит отметить, что доля таких семей от общего числа малоимущих домашних хозяйств составляет 78,8% по данным Росстата на момент 2016 г.

Перейдем к описанию концепции относительной монетарной бедности, которая применяется, как уже было сказано выше, в европейских странах. Это потребует для того, чтобы сопоставить полученные благодаря разным подходам результаты и определить разницу между ними. Относительный подход характеризуется долей населения, чьи доходы составляют меньше половины среднего дохода по стране. Согласно данным, приведённым на рисунке, можно

сделать вывод, что, в общем, уровень относительной бедности за приведённый период менялся незначительно (Рис.2) в отличие от абсолютной монетарной. В 2017 г. данный показатель составил 18,1%.

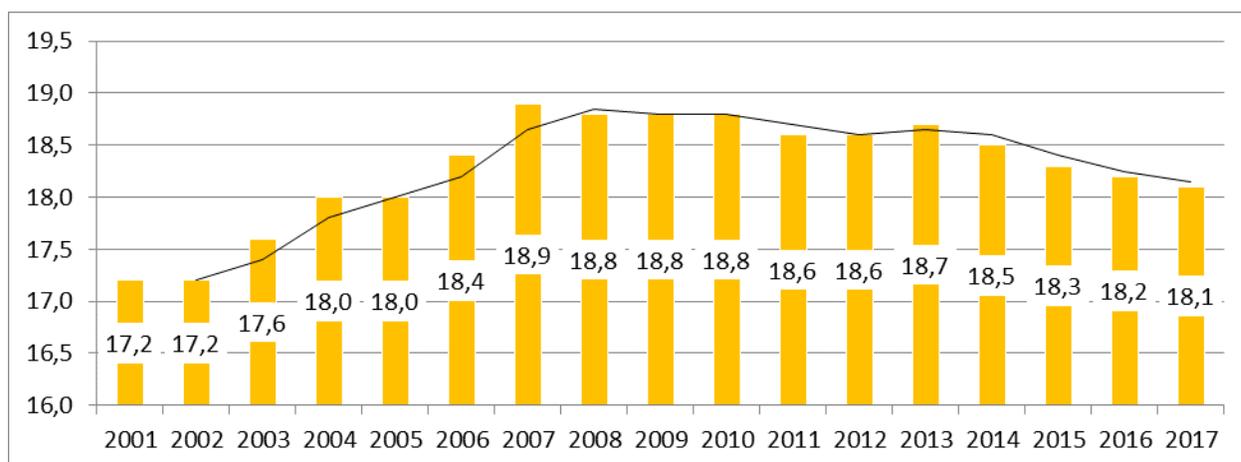

Рисунок 2. – Доля населения с денежными доходами ниже половины медианного дохода, Россия, 2001-2017 гг., % [17]

Любопытно, что в период с 2001 г. по 2007 г. уровень относительной бедности увеличивался, в то время как уровень абсолютной монетарной бедности уменьшался. По мнению Т. М. Малевой, директора Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, подобная ситуация иллюстрирует уменьшение монетарной бедности в период экономического роста на фоне усиления неравенства доходов. Также исследователь отмечает, что в период 2014-2017 гг. последствием кризиса стало сглаживание доходной дифференциации и снижение относительной монетарной бедности [10, с.21].

Если обратиться к рассмотрению показателей субъективной бедности, то на данный момент они составляют 22-25%, что практически в два раза выше формальных показателей, установленных правительственными службами. Для наиболее точного определения численности лиц, попадающих под категорию

бедных, в России применяется выборочное обследование бюджетных домохозяйств. Однако это обследование ограничено рядом факторов, а именно малым объёмом региональных выборок, ориентацией преимущественно на учёт расходов домашних хозяйств, что ведёт к неполноте учётных данных, и отказами от принятия участия в статистических обследованиях. Таким образом, результаты исследования достаточно ненадёжны, если отклонятся от генеральной совокупности к частной ситуации в регионах. Всё это не положительно сказывается на объективности показателей в субъектах России.

Также результаты абсолютной монетарной концепции, на примере представленных рисунков, существенно расходятся с результатами относительной, как было разобрано выше. Таким образом, существующая и применяемая в России методология исчерпывает свои возможности, а значит, не может быть единственным источником оценки уровня и динамики бедности.

Причиной использования концепции абсолютной монетарной бедности при всех очевидных недостатках является её простота использования при регулярных статистических сборах и расчетах, а также те эвристические возможности, которые она предоставляет. Такой возможностью, к примеру, является формальное уменьшение уровня бедности – стоит отметить, что такая концепция позволяет демонстрировать самые низкие значения, что важно в политических целях: гармонизация субъективного восприятия граждан, а также пропагандистский эффект, удерживающий гражданское общество от социальных потрясений. Тем не менее, в случае если все усилия правительства будут направлены на дальнейшее понижение формальных показателей, получаемых при помощи данного метода, будет полностью упущен из исследовательского взора пласт проблем, связанных с негативными явлениями бедности и ее проявлений. Многомерность бедности связана с особенностью территориального расселения жителей России, урбанизацией, а также с социальным портретом, в котором большая часть домохозяйств попадает в

категорию малоимущих при наличии детей.

Исходя из этого, становится ясным, что необходимо оценивать бедность не только в отношении масштаба, но и ее структуры. Также необходимо создание единой цифровой платформы, которая бы объединила в себе все базы данных (региональные официальные сайты, статистические результаты), что положило бы начало цифровизации социальной среды, помогло бы её более точному и объективному изучению [6; 8]. Таковой должна быть задача федерального центра по содействию субъектам Российской Федерации.

Ещё одним вариантом решения данной проблемы может быть переход на альтернативную концепцию измерения бедности, а именно на использование смешанного или многомерного подхода. Такой метод начинает активно применяться в политике разных стран, так как всё более и более очевидным становится тот факт, что использование лишь доходных параметров ошибочно. В настоящий момент Европейская комиссия и Организация объединённых наций применяют многомерный подход для дополнения одномерного, чтобы получить возможность сопоставлять различные ситуации в разных государствах. К примеру, с 2010 г. ООН публикует в Отчете о человеческом развитии результат расчёта глобального Индекса многомерной бедности (The 2020 Global Multidimensional Poverty Index (MPI) [18]). Индекс определяет степень неспособности удовлетворить потребности по трём направлениям – образование, здоровье и условия жизни на основе десяти индикаторов. Домохозяйство считается бедным, если оно депривировано по трем индикаторам или более, а депривация более чем по 50% индикаторов – это крайняя бедность.

Такой подход, использующий в качестве главного критерия депривацию, может применяться для определения нуждающихся и решения

о предоставлении таковой поддержки в виде пособий или услуг. Также данный метод позволяет подробно увидеть, в каких сферах домохозяйство неспособно себя обеспечить, и использовать эти данные для планирования поддержки. Актуальной остается необходимость разработки мер, которые будут направлены адресным образом в места, где наиболее необходима помощь гражданскому населению, поэтому эта концепция определения бедности подходит как с точки зрения точного подсчёта количества нуждающихся, так и с точки зрения помощи в разработке решения проблемы бедности. [9; 12]

Текущая экономическая ситуация высвечивает в качестве одно из положительных тот факт, что правительство России осознаёт существующие недостатки. Так, заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, Т. А. Голикова, на Гайдаровском форуме 2019 года, отметила, что «в короткий период нам (*рабочей группе – Д. М. Баландина*) предстоит по-новому осмыслить и сами подходы к оценке бедности, её измерению, перейти на более современные стандарты» [15]. Также было отмечено, что необходимо постепенное усовершенствование существующих стандартов оценки во избежание в этом направлении «революции», для чего сейчас в рамках Министерства труда вместе с социальными партнёрами и парламентом создана рабочая группа по пересмотру этих подходов. Этапы по подготовке для перехода на новую модель расчета планируется завершить в 2019 г. Результатом такого модернизированного перехода будет увеличение количества лиц, неспособных преодолеть черту бедности. Такое увеличение будет вызвано включением женщин с детьми до 6 лет в разряд бедных, так как они являются одной из самых уязвимых категорий.

Ещё одно изменение, вносящее ощутимое дополнение к существующей статистической методике было озвучено Премьер-министром Д. А. Медведевым на встрече с губернаторами на тему «Реализация

национальных проектов в социальной сфере» в Сочи 15 февраля 2019 г. Премьер обозначил необходимость создания подробного социального портрета бедности. Такая мера помогла бы определить специфические, локальные недостатки и, впоследствии, создать конкретные ситуативные меры воздействия и помощи в данной экономической проблеме. По его мнению, сухих статистических цифр недостаточно, поскольку людям нужна адресная помощь, которая позволила бы выбраться из ситуации бедности. Отмечу, что сейчас лишь 7% от всего объема затрат на социальную помощь являются адресные программы. Важно отметить, что также был поднят вопрос о пересмотре распределения людей в категорию бедных и необходимости исходить из расходов людей, а не просто из доходов. Это вещественное изменение, для осуществления которого нужно отталкиваться от мировой практики [16].

Заключение. Таким образом, со стороны правительства предполагается активная работа по устранению существующей социальной проблемы. Началом этой корпоративной работы будет являться разработка и переход на новые способы статистического расчета бедности с учетом зарубежного опыта, так как очевидной стала неспособность используемой в России абсолютной монетарной концепции определить ее объективный уровень и адекватные способы стабилизации экономического положения населения. В пределах ограниченного объема данной статьи не представляется возможным описать все изменения, которым подвергнется методология Росстата, однако объективной является, как было продемонстрировано, необходимость в использовании многомерного подхода. Такой подход позволит определить специфику проблемы бедности в отдельных регионах России, ее масштабы, а также избрать эффективные способы дальнейших действий для ее решения.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 2 марта 1992 г. N 210 «О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации»: указ Президента Российской Федерации от 2 марта 1992 г. №210 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/984> - Заглавие с экрана. (Дата обращения: 17.03.2019)
2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. №204 – [Электронный документ] – <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (Дата обращения: 04.03.2019)
3. Алиаскарова Ж.А. Импортозамещение в условиях санкций и антисанкций: успехи, проблемы и перспективы // Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. – 2018. – Т. 9, № 4. – С. 5-17.
4. Алпатов Г.Е., Бортникова Е.Г. Экономическая политика и функционирование российского рынка труда в условиях кризиса // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2017. – № 4. – С. 74-83.
5. Багров Н.М., Плотников В.А. Трудовые ресурсы и уровень жизни населения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2016. – № 1. – С. 143-155.
6. Баландина Д.М. Плюсы и минусы цифровой экономики // Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 67-85.
7. Добрынин А.И., Ивлева Е.С., Плотников В.А. Социально-экономические программы роста экономики и качества жизни // Экономика и управление. – 2006. – № 1. – С. 23-30.
8. Кольцова А.А. Налоговое стимулирование развития интеллектуального капитала // Бизнес. Образование. Право. – 2019. – № 1. – С. 181-186.

9. Кольцова А.А., Старобинская Н.М. Социальная ответственность бизнеса: подходы и предпосылки возникновения // Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 81-96.
10. Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность. – М.: Дело, 2019. – 52 с.
11. Суринов А.Е. Доходы населения. Опыт количественных измерений. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 330 с.
12. Технологии современного фандрейзинга в социальной сфере / Под ред. Н.А. Пашкус. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – 181 с.
13. Чекмарев О.П. Мотивация повышения производительности труда наемных работников: факторы дефицита кадров, размера и дифференциации оплаты труда // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – 2015. – № 38. – С. 184-190.
14. Экономическая политика. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Под ред. А.Н. Лякина. – М.: Юрайт, 2018. – 432 с.
15. Голикова Т.А. Выступление на Гайдаровском форуме – 2019. Социальная триада: демография – занятость – доходы. – [Электронный документ] – https://www.youtube.com/watch?v=5TySj5y83Ts&t=0s&index=13&list=PLqTuUBxTMYemr1u_WUo9pluSrdmyjO06+- (Дата обращения: 18.10.2020)
16. Медведев Д.А. Встреча с главами регионов в рамках Российского инвестиционного форума "Сочи-2018". 16 февраля 2018. Сочи. – [Электронный документ] – <http://government.ru/news/31397/> (Дата обращения: 18.10.2020)
17. Неравенство и бедность – [Электронный ресурс] – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (Дата обращения: 17.03.2019)

18. The 2020 Global Multidimensional Poverty Index (MPI) – [Электронный документ] – http://hdr.undp.org/sites/default/files/2020_mpi_report_en.pdf (Дата обращения: 13.11.2020)

References

Decree of the President of the Russian Federation of March 2, 1992 No. 210 "On the system of minimum consumer budgets of the population of the Russian Federation": Decree of the President of the Russian Federation of March 2, 1992 No. 210 – [Electronic resource] – <http://kremlin.ru/acts/bank/984> (Date of access: 17.10.2020)

On the national and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: the index of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018 No. 204 – [Electronic document] – <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (Date of appeal: 17.10.2020)

Aliaskarova Zh.A. (2018) Import substitution under sanctions and anti-sanctions: successes, problems and prospects // Marketing MBA. Enterprise marketing management. – Vol. 9, No. 4. – P. 5-17.

Alpatov G.E., Bortnikova E.G. (2017) Economic policy and the functioning of the Russian labor market in the conditions of the crisis // Scientific journal NRU ITMO. Series: Economics and Environmental Management. – No. 4. – P. 74-83.

Bagrov N.M., Plotnikov V.A. (2016) Labor resources and living standards of the population // News of the St. Petersburg University of Economics. – No. 1. – P. 143-155.

Balandina D.M. (2019) Pros and cons of the digital economy // Marketing MBA. Enterprise marketing management. – Vol. 11, No. 2. – P. 67-85.

Dobrynin A.I., Ivleva E.S., Plotnikov V.A. (2006) Socio-economic programs for economic growth and quality of life // Economics and Management. – No. 1. – P. 23-30.

Koltsova A.A. (2019) Tax incentives for the development of intellectual capital // Business. Education. Right. – No. 1. – P. 181-186.

Koltsova A.A., Starobinskaya N.M. (2018) Social responsibility of business: approaches and prerequisites for the emergence // Marketing MBA. Enterprise marketing management. – Vol. 9, No. 1. – P. 81-96.

Maleva T.M., Grishina E.E., Tsatsura E.A. (2019) Social Policy in the Long Term: Multidimensional Poverty and Effective Targeting. – Moscow: Delo.

Surinov A.E. (2003) Population income. Experience in quantitative measurements. – Moscow: Finance and statistics.

Technologies of modern fundraising in the social sphere (2008) / Ed. by N. Pashkus. – St.Petersburg: Publishing house of the Herzen University.

Chekmarev O.P. (2015) Motivation for increasing the productivity of employees: factors of personnel shortage, size and differentiation of wages // Izvestia of the St. Petersburg State Agrarian University. – No. 38. – P. 184-190.

Economic policy. Textbook and workshop for undergraduate and graduate programs / Ed. A.N. Lyakin. – Moscow: Yurayt, 2018.

Golikova T.A. (2019) Speech at the Gaidar Forum-2019. Social triad: demography –

employment – income. – [Electronic Document] – [https://www.youtube.com/watch? V = 5TySj5y83Ts & t = 0s & index = 13 & list = PLqTuUBxTMYemr1u_WUo9pluSrdmyjO06](https://www.youtube.com/watch?v=5TySj5y83Ts&t=0s&index=13&list=PLqTuUBxTMYemr1u_WUo9pluSrdmyjO06) (Date accessed: 18.10.2020)

Medvedev D.A. (2018) Meeting with the heads of the regions at the Sochi-2018 Russian Investment Forum. February 16, 2018.Sochi. – [Electronic document] – <http://government.ru/news/31397/> (Date of access: 18.10.2020)

Inequality and poverty – [Electronic resource] – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (Date of access: 17.03.2019)

The 2020 Global Multidimensional Poverty Index (MPI) – [Электронный документ] – http://hdr.undp.org/sites/default/files/2020_mpi_report_en.pdf (Date of access: 13.11.2020)

Волкова Анна Владимировна

профессор кафедры политического управления *СПбГУ*

доктор политических наук

av.volkova@rambler.ru

РАЗВИТИЕ ЦЕННОСТНОЙ И ЭТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕТИ: ЭФФЕКТЫ «ВЫНУЖДЕННОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ»

Аннотация

В работе рассмотрены некоторые актуальные проблемы общества и государства, связанные с цифровизацией. Отметим, что цифровизация породившая прорывные коммуникативные и сетевые технологии, интернет вещей и т.д. привела к отрицательным или, по крайней мере, неоднозначным последствиям. В работе рассмотрен опыт Германии, где «вынужденная цифровизация» стала фокусом для процессов координации гражданского общества, основой выработки новых публичных ценностей и базой для применения стратегии экономической безопасности. Этот опыт может быть востребован и в России.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00705 "Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия"

Ключевые слова: цифровые данные, цифровизация, публичная политика, сетевая теория, государственная управляемость

RePEc: O33, H83

УДК: 330.034:008, 334.021

Volkova Anna V.

Professor of the Department of Political Governance,

St. Petersburg State University

PhD in political Sciences

[*av.volkova@rambler.ru*](mailto:av.volkova@rambler.ru)

DEVELOPMENT OF VALUE AND ETHICAL INFRASTRUCTURE OF THE NETWORK: EFFECTS OF "FORCED DIGITALIZATION"

Abstract

The paper discusses some of the topical problems of society and the state associated with digitalization. Note that digitalization has given rise to breakthrough communication and network technologies, the Internet of things, etc. led to negative or at least ambiguous consequences. The paper considers the experience of Germany, where “forced digitalization” has become the focus for the coordination processes of civil society, the basis for the development of new public values and the basis for the application of the economic security strategy. This experience may be in demand in Russia as well.

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 18-011-00705 "Explanatory potential of network theory in political research: methodological synthesis as an analytical strategy".

Keywords: digital data, digitalization, public policy, network theory, state governance.

RePEc: O33, H83

УДК 330.034:008, 334.021

УДК 330.034:008, 334.021

Волкова Анна Владимировна

профессор кафедры политического управления *СПбГУ*

доктор политических наук

av.volkova@rambler.ru

РАЗВИТИЕ ЦЕННОСТНОЙ И ЭТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕТИ: ЭФФЕКТЫ «ВЫНУЖДЕННОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ»

Volkova Anna V.

Professor of the Department of Political Governance,

St. Petersburg State University

PhD in political Sciences

av.volkova@rambler.ru

DEVELOPMENT OF VALUE AND ETHICAL INFRASTRUCTURE OF THE NETWORK: EFFECTS OF "FORCED DIGITALIZATION"

Интенсивное внедрение цифровых технологий в государственное управление и политику сопровождается острыми дискуссиями о преимуществах, проблемах и рисках цифрового мира. Государственная управляемость как понятие сложного общества, в этих условиях предполагает новые формы политической, экономической и социальной организации, которые позволят государству реагировать на вызовы цифровой экономики, на новые социальные требования и ожидания, часто превышающие пределы традиционных институтов. Кроме того, глобальный кризис спровоцированный пандемией 2020 г. привлек внимание к необходимости произвести корректировку исследовательских стратегий изучения предпринимательства на

основе анализа институциональных и социетальных матриц, влияния различных типов взаимодействия между формальными и неформальными сетями и институтами и их воздействия на модели предпринимательского поведения. [10; 12]

В России современные исследовательские стратегии в сфере исследования профессиональных, коммуникативных этик либо обращаются к ценностным образцам предпринимателей дореволюционной эпохи, либо транслируют классические либеральные варианты норм предпринимательского поведения, что мало соответствует российским реалиям. В таких условиях важно установить, какие именно ценности, смыслы и политико-философские обоснования экономических действий бизнеса соответствуют «большим вызовам» и ценностным парадигмам российской культуры предпринимательства. Интеллектуальными стимулами могут выступить два основных направления развития современной политической науки: повышение внимания к исследованию культурных факторов в политике и управлении (движение в русле обновленной теории общественного выбора и коммуникационной теории) и новое обращение к проблемам национального государства (дискуссия об управляемости государства, понимаемая как процесс переосмысления его роли и соотношения с обществом). Термин «государственная управляемость» актуализируется в связи с поиском основ управляемости в условиях цифровизации: внимание уделяется, скорее, процессами публичной политики, чем системами ее организации. Именно процессуальный акцент актуализировал изучение отношений, ценностей, культур, знания, режимов в публичной политике, кроме того – в политическом познании обозначилась тенденция междисциплинарного совмещения научных интересов и междисциплинарного синтеза естественно-научных и социолого-политологических методов, что имеет особое значение при использовании сетевой методологии и анализе сетевого взаимодействия. [5; 8]

Примечательно, что повышение производительности в разных сферах (в экономике, в образовании) путем внедрения цифровых технологий сопровождается усилением электронного контроля и управления и современные исследователи указывают на угрозы демократическим ценностям со стороны нарождающегося «цифрового авторитаризма», что способно усугубить в мире кризис демократического развития. [2; 9; 11]

На примере европейских государств (Финляндия, Эстония, Германия) можно проследить как политико-институциональная природа цифровой управляемости диверсифицируется в зависимости от направленности политики цифровизации публичного управления. [7] Причем, применительно к национальной системе управления данный тип институциональной конфигурации взаимодействия предполагает верховенство государства.

Цифровизация, сетевизация публичного управления включают в себя значительный элемент регулирования интернет-пространства. Управление Интернетом становится функцией политических органов государства и, хотя централизованное суверенное управление может допускать другие заинтересованные стороны к процессу обсуждения соответствующей повестки дня и решений, однако их роль сводится к консультации и общественной экспертизе. [3; 6] Это заключение важно для рассмотрения природы и понимания источников потенциальных конфликтов в цифровом, сетевом обществе.

Особый интерес представляет исследование развития концептуальных основ и практики внедрения политики цифровизации в Эстонии, сохраняющей лидерство европейской цифровизации, и Германии, чей научный и технический потенциал является едва ли не самым значительным в Евросоюзе. Трудности «вынужденной цифровизации» (*Zwangsdigitalisierung*) в Германии стали точками роста, общественная координация – важной идеологической установкой, а запуск в рамках европейской кампании немецкого приложения для

отслеживания цепочек заражения вирусом SARS-CoV-2 вызвал новый виток дискуссии о защите персональных данных, которая является важнейшим элементом процесса внедрения цифровых технологий.

Наличие подобных конфликтов вызывает необходимость обращения и к институциональным возможностям этики. К примеру, Дармштадт, получивший еще в 1997 г. официальный статус «наукоград» (Wissenschaftsstadt), стал первым муниципалитетом в Германии, в котором последовательно, начиная с 2017 г., шла работа над кодификацией этических принципов для процесса цифровизации. С этой целью в системе управления городом был создан Консультативный совет по этике и технологиям, как полностью подконтрольная гражданам инициатива. Совет, состоящий из 32 членов, выполнил за два года сопровождение почти 100 проектов по цифровизации, предоставлял административную и координационную поддержку для сложных случаев. Его институциональный дизайн определяют такие ценности как добровольчество, доверие, открытость, а вопрос о необходимости обсуждения и координации этической основы деятельности по внедрению цифровизации возник, как признают сами участники проекта, благодаря участию граждан и рабочим встречам руководителей различных отделов и органов власти. С привлечением внешних и внутренних консультантов были определены 14 областей деятельности, в которых должны были осуществляться индивидуальные и межотраслевые проекты по цифровизации [15].

По мнению участников Консультативного совета, важной проблемой является то, что внедрение цифровых технологий должно осуществляться вместе с обычной деятельностью, что не всем удаётся. В центре внимания — этические проблемы «Интернета вещей»: массовая цифровизация возможна при установке IoT (Internet of Things) сети, которая могла бы связывать объекты между собой. [1; 3] Установка такой сети уже технически достаточно сложна и также имеет «нехороший привкус» («smart» изначально интерпретируется очень

индивидуально: если повседневные, субъективные действия и потребности удовлетворяются быстрее, то ситуация воспринимается как «smart», подразумевая, что она лучше, чем раньше). Но такую систему требуется внедрить не только в жизнь рабочую, но и личную, т.е. вторгнуться в личное пространство граждан.

В дополнение к дискуссии о IoT, интерфейсах, необходимом для успешного функционирования количестве данных и аспектах их защиты (сколько информации собирать и как её защищать (хранить, удалять), этический экспертный совет оценивает и консультирует дармштадтские цифровые проекты в соответствии со следующим принципом: наивысшей целью всех проектов по цифровизации является сделать повседневную жизнь более приятной, продуктивной и экологически чистой для каждого, при этом обеспечивая достижение ключевых целей сообщества

Базовые этические принципы («Этические рекомендации по развитию Дармштадта в цифровой город»), принятые решением консультативного совета от 13 июня 2019 г., воспринимаются разработчиками как предложение для всей Германии. Рассмотрим их подробнее:

1. Приверженность общему благу. Процесс оцифровки должен быть направлен на общее благо. Целью цифровой трансформации всегда должно быть социальное и / или экологическое улучшение коммунальных услуг, представляющих общий интерес, и других городских услуг. Делать это нужно максимально экономично и эффективно.

2. Демократический контроль. Задача, разработка, реализация и использование проектов оцифровки должны подлежать контролируемому парламентом самоуправлению в соответствии с применимыми / существующими правилами. Это касается и компаний, в которых участвует город. Не должно возникать никаких новых властных структур, которые уклоняются от демократического контроля и представляют угрозу основным

правам, безопасности и частной жизни людей.

3. Ответственность и прозрачность. Ответственность демократически избранных органов за решения в городе должна быть сохранена. Автоматизированные процедуры не должны заменять их. Необходимо раскрывать критерии автоматизированных административных решений. Когда город общается с горожанами, необходимо с самого начала дать понять, используется ли машина.

4. Дискриминация и беспрепятственный доступ к услугам. Доступность и удобство использования аналоговых услуг или соответствующих предложений аналоговой помощи должны поддерживаться, чтобы обеспечить участие в общественной жизни всех групп городского населения.

5. Суверенитет города и его жителей. Государственный сектор и граждане должны иметь возможность с уверенностью разрабатывать, эксплуатировать и использовать цифровые инфраструктуры, платформы и базовые услуги. Следует избегать зависимости от продуктов и компаний.

6. Защита данных. Дармштадт хочет быть пионером в области защиты данных. При сборе, обработке и публикации данных защита данных должна приниматься во внимание с самого начала. Персональные данные могут быть записаны и переданы как можно реже. Личные данные не могут быть проданы. Если городские или муниципальные компании передают данные третьим лицам, их ответственное обращение с данными должно регулироваться соответствующими соглашениями об использовании.

7. Публикация данных. Данные неличного характера, которые представляют демократически решенный и законный интерес для общественности, должны быть доступны и доступны в удобной для пользователя форме.

8. Оценка технологий и устойчивость. Во всех проектах оцифровки последствия для экологической устойчивости, для обеспечения информации и

коммуникации, для мобильности и здоровья, для социального равновесия и дизайна работы должны быть изучены и оценены с самого начала. Все проекты оцифровки должны предлагать нынешнему и будущим поколениям равные возможности развития.

9. Обеспечение безопасности инфраструктуры. Во всех проектах цифрового города необходимо учитывать уязвимость систем госуслуг и гарантировать их функциональную надежность (кибербезопасность) [15].

Эта инициатива исключительно важна для дальнейшего обсуждения вопроса этического аспекта политики цифровизации, но ,следует признать, что данные принципы ориентированы в большей степени на регулирование, а не обеспечение координации. Современных немцев беспокоят экологичность политики цифровизации, потенциальные риски узурпации власти «новыми властными структурами» или «автоматизированными процессами», обеспечение инклюзивности (не исключать из системы тех, кто в силу своего социального/материального положения не может полноценно быть членом цифрового общества), риск зависимости от определённых продуктов и крупных компаний, и защита персональных данных.

Сетевые структуры оказались наиболее востребованы в условиях пандемии, европейские сети взаимопомощи (низовая организация студентов, педагогов, врачей...) задала основное направление –актуализация персональной ответственности. Подключение к таким сетям и формирование новых сетей стало основой стратегии преодоления кризиса. По отзывам немецких специалистов, в кризис «вынужденной цифровизации» Германия смогла достичь успеха там, где не могла добиться его ранее [17]: акционерные общества теперь могут проводить свои общие собрания виртуально, больницы были обязаны сообщать о своих свободных койках интенсивной терапии и распределять места посредством онлайн-записи, пособия по кратковременной занятости и другие субсидии начали запрашивать онлайн. Федерация IT-организаций среднего

класса организовалась в сеть, в которой некоторые участники **на время** делятся бесплатными решениями для тех или иных проблем, с которыми столкнулся средний бизнес [13]. Из этого развилась общеевропейская инициатива [16].

Скорость, с которой реализуется сегодня политика цифровизации, также решила многие технические проблемы. После кризиса, связанного с пандемией коронавируса, вероятно, будет все чаще подниматься вопрос о необходимости командировок и бизнес-поездов. Особенно в свете новой экологически устойчивой реальности, которая переопределяет основы конкурентоспособности и, следовательно, экономического выживания. Это включает, с одной стороны, поиск способов развития цифровых навыков для продуктивной работы из дома и обеспечение мотивации сотрудников, несмотря на снижение социального взаимодействия. Взаимодействие с частными клиентами станет еще более важным в бизнесе частных клиентов в будущем. Обязательное условие для использования этих данных, особенно часто обсуждаемое немецкими бизнесменами: клиенты должны быть уверены в высоком уровне защиты данных.[14]

В России в кризис возобладали, с одной стороны, патерналистские настроения и традиционное упование на государство, а с другой – протестное поведение (отрицание вируса). Проявили себя и активно развивавшиеся новые формы сетевой гражданской активности (формы «общественного порицания»/наказания или общественной поддержки) в условиях сетевого, цифрового общества перехватывающие у государственных органов инициативу по возмездию. Статистика обращений на горячие линии в России в 2020 г. свидетельствует об активизации «бдительных граждан» и об инициативном выполнении ими полицейских функции (контроль соседей, торговых точек и т.д.). Таким образом, «эра цифровизации» не снимает базовых противоречий в системе сетевого публичного управления, а лишь видоизменяет их. В современной России процессы выработки и принятия политических решений

по-прежнему остаются закрытыми, однако власть стремится делегировать часть ответственности, вовлекая бизнес в публичную сферу; прослеживается стремление сделать процессы более открытыми. [4] Характер взаимодействия между бизнесом и органами государственной власти, инструменты, которыми пользуются компании, позволяют говорить об изменениях политико-управленческого режима и его возможном переходе от иерархического режима к координационному (появление многоуровневых взаимосвязей, возможность негосударственных структур повлиять на выработку решений). Все это обретает новый смысл в условиях движения к цифровому обществу и должно способствовать достижению устойчивых конкурентных преимуществ государства за счет согласованности и солидарности государства, бизнеса, общества на основе этики ответственности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00705 "Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия".

Литература

1. Алиаскарова Ж.А. Новая экономика: от доминирования неоощутимых активов к развитию бренда // Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. – 2017. – Т. 8. – Вып. 3. – С. 36-47.
2. Баландина Д.М. Плюсы и минусы цифровой экономики // Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 67-85.
3. Благих И., Громов И. Совершенствование информационных технологий в сфере государственных услуг как драйвер развития цифровой экономики в России // Oikonomos: Journal of Social Market Economy. – 2018. – № 3. – С. 69-79.

4. Волкова А.В., Алмакучуков К.М., Старобинская Н.М. Новые технологии городского развития и управление арт-рынком: опыт Санкт-Петербурга // Проблемы современной экономики. – 2020. – №1. – С. 173-176.
5. Ермаков Ю.В., Красникова Т.С. Новый государственный менеджмент: принципы, достоинства и недостатки // Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. – 2018. – Т. 9, №1. – С. 32-48.
6. Игнатова А.М. Оценка эффективности органов власти и государственных служащих // Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. – 2017. – Т. 8, №3. – С. 94-114.
7. Кулакова Т.А., Коверзнева С.А., Коверзнев О.В. Динамика государственного управления инновационным развитием в сложных и неопределенных условиях // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 11. – С. 53-58.
8. Тамбовцев В.Л. Государственное регулирование государства: вопросы теории, международный опыт, российские реформы. – М.: Российско-Европейский центр экономической политики, 2004. – 36 с.
9. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 46-63.
10. Aliaskarova Zh., Pashkus V. Blagikh I. Proactive industrial policy as the main strategy for improving Russia's competitiveness in the context of global economic processes // SHS Web of Conferences. – 2020. – Vol. 74. – P. 06002.
11. Stigliz J. (2002) Globalisation and its discontents. – W.W.Norton & Company. – 304 p.
12. Tapscott A. Financial Services Revolution: How Blockchain Is Transforming Money, Markets, and Banking. – Macksville, North Carolina: Barlow Publishing, 2020. – 408 p.

13. Bockhoff V. Solidarität in Zeiten des Coronavirus – BITMi Mitglieder helfen – [Электронный документ] – <https://www.bitmi.de/solidaritaet-in-zeiten-des-coronavirus-bitmi-mitglieder-helfen/> (дата обращения: 07.12.2020)
14. Brings L., Weber D. (2020) Impact of Covid-19: Corona as a catalyst for digitalization? (Part 3) – [Электронный документ] – <https://www.telekom.com/en/careers/our-focus-topics/center-for-strategic-projects/trafo-talk/impact-of-covid-19-corona-as-a-catalyst-for-digitalization-part-3--601542> (дата обращения: 07.12.2020)
15. Die Beiräte der Digitalstadt Darmstadt – [Электронный ресурс] – <https://www.digitalstadt-darmstadt.de/digitalstadt-darmstadt/beiraete/> (дата обращения: 05.09.2020)
16. Digital Solution in Times of Covid-19 – [Электронный ресурс] – <https://www.digitalsme.eu/solutions/> (дата обращения: 07.12.2020)
17. Digitalisierung: Mit Corona schafft Deutschland das bisher Unmögliche – [Электронный ресурс] – <https://www.welt.de/wirtschaft/article207541717/Digitalisierung-Mit-Corona-schafft-Deutschland-das-bisher-Unmoegliche.html> (дата обращения: 07.12.2020)

References:

- Aliaskarova Zh.A. (2017) The New Economy: the Dominance of Intangible Assets for Brand Development // Marketing MBA. Marketing management of the firms. – Vol. 8, Iss. 3. – Pp. 36-47.
- Balandina D M. (2020) Advantages And Disadvantages of Digital Economy // Marketing MBA. Marketing management of the firms. – Vol. 11, Iss. 2. – Pp. 67-85.
- Blagikh I., Gromov I. (2018) Improvement of information technologies in the field of public services as a driver for the development of the digital economy in Russia // Oikonomos: Journal of Social Market Economy. – Iss. 3. – Pp. 69-79.

- Volkova A.V., Almakuchukov K.M., Starobinskaya N.M. (2020) New technologies of urban development and management of the art market: the experience of St. Petersburg // Problems of modern economy. – Iss.1. – Pp. 173-176.
- Ermakov Y., Krasnikova T. (2018) New Public Management: Principles, Advantages and Disadvantages // Marketing MBA. Marketing management of the firms. – Vol. 9, Iss. 1. – Pp. 32-48.
- Ignatova A.M. (2017) Evaluation of the Effectiveness of Government and Civil Servants // Marketing MBA. Marketing management of the firms. – Vol. 8, No. 3. – Pp. 94-114.
- Kulakova T.A., Koverzneva S.A., Koverznev O.V. (2017) Dynamics Of Innovation Governance Under Unsustainable Conditions // Society: Politics, Economics, Law. – Iss. 11. – Pp. 53-58.
- Tambovtsev V.L. (2004) Regulation Inside Government: the Theory, International Experience, Russian Reforms // Public Service Standards: Economics, International Experience and Russian Reforms. – Iss. 1. – Pp. 1-36.
- Khalin V.G., Chernova G.V. (2018) Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks // Management Consulting. – Iss. 10. – Pp. 46-63.
- Aliaskarova Zh., Pashkus V. Blagikh I. (2020) Proactive industrial policy as the main strategy for improving Russia's competitiveness in the context of global economic processes // SHS Web of Conferences. – Vol. 74. – P. 06002.
- Stiglitz, J. (2002) Globalisation and its discontents. – W.W.Norton & Company. – 304 p.
- Tapscott A. (2020) Financial Services Revolution: How Blockchain Is Transforming Money, Markets, and Banking. – Macksville, North Carolina: Barlow Publishing. – 408 p.
- Bockhoff B. (2020) Solidarität in Zeiten des Coronavirus – BITMi Mitglieder helfen – [Электронный документ] – <https://www.bitmi.de/solidaritaet-in-zeiten-des->

coronavirus-bitmi-mitglieder-helfen/ (date viewed: 07.12.2020)

Brings L., Weber D. (2020) Impact of Covid-19: Corona as a catalyst for digitalization? (Part 3) – [Электронный документ] – <https://www.telekom.com/en/careers/our-focus-topics/center-for-strategic-projects/trafo-talk/impact-of-covid-19-corona-as-a-catalyst-for-digitalization-part-3--601542> (date viewed: 07.12.2020)

Die Beiräte der Digitalstadt Darmstadt – [Электронный ресурс] – <https://www.digitalstadt-darmstadt.de/digitalstadt-darmstadt/beiraete/> (date viewed: 05.09.2020)

Digital Solution in Times of Covid-19 – [Электронный ресурс] – <https://www.digitalsme.eu/solutions/> (date viewed: 07.12.2020)

Digitalisierung: Mit Corona schafft Deutschland das bisher Unmögliche – [Электронный ресурс] – <https://www.welt.de/wirtschaft/article207541717/Digitalisierung-Mit-Corona-schafft-Deutschland-das-bisher-Unmoegliche.html> (date viewed: 07.12.2020)

Неверов Кирилл Алексеевич

СПбГУ, ф-т политологии, ассистент,
кафедра политического управления

kir.neverov@gmail.com

БИЗНЕС, ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНЕ: КОНКУРЕНТЫ ИЛИ ПАРТНЕРЫ?

Аннотация

В работе с позиции сетевой теории анализируется рынок цифровых данных, а также политика цифровизации публичного сектора. Для объяснения взаимодействия участников рынка предлагается конкурентно-кооперативная модель, дополненную моделью отбора стратегий акторами публичной политики, учитывающую политический режим, институциональные и культурные условия внешней среды. Апробацию модель проходит на случае взаимодействия государства, бизнеса и граждан при обсуждении «Цифрового профиля гражданина РФ» и дорожной карты по развитию электронного взаимодействия между государством и бизнесом, предложенной Ассоциацией больших данных.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00705 "Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия"

Ключевые слова: цифровые данные, конкурентно-кооперативная модель, цифровизация, публичная политика, сетевая теория.

RePEc: D70

УДК 332.012.33, 334.021

Neverov Kirill Aleksayavich

St. Petersburg State University,

Faculty of Political Science,

Department of Political Governance,

Assistant

kir.neverov@gmail.com

BUSINESS, STATE AND CITIZENS: COMPETITORS OR PARTNERS?

Abstract

The paper analyzes the digital data market from the perspective of network theory, as well as the policy of digitalization of the public sector. To explain the interaction of market participants, a competitive-cooperative model is proposed, supplemented by a model for selecting of strategies by public policy actors, which takes into account the political regime, institutional and cultural conditions of the external environment. The model is tested on the case of interaction between the state, business and citizens when discussing the "Digital Profile of a Citizen of the Russian Federation" and the roadmap for the development of electronic interaction between the state and business, proposed by the Big Data Association.

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 18-011-00705 "Explanatory potential of network theory in political research: methodological synthesis as an analytical strategy".

Keywords: digital data, cooperation, digitalization, public policy, network theory.

RePEc: D70

УДК 332.012.33, 334.021

УДК 332.012.33, 334.021

Неверов Кирилл Алексеевич

СПбГУ, ф-т политологии, ассистент,
кафедра политического управления

kir.neverov@gmail.com

БИЗНЕС, ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНЕ: КОНКУРЕНТЫ ИЛИ ПАРТНЕРЫ?

Neverov Kirill Aleksayavich

St. Petersburg State University,

Faculty of Political Science,

Department of Political Governance,

Assistant Professor

kir.neverov@gmail.com

BUSINESS, STATE AND CITIZENS: COMPETITORS OR PARTNERS?

В современном мире информация стала самым ходовым товаром: за обладание данными граждан борются как государственные органы, так и крупные игроки бизнес-сообщества: корпорации (Microsoft, Netflix, Amazone), IT-компании (такие, как Google, не отстают и отечественный Яндекс), социальные сети и мессенджеры (Facebook, WhatsApp, в русскоязычном сегменте Интернета – ВКонтакте), перевозчики (Uber, Яндекс. Такси). Рынок пользовательских данных растет (прогнозируется, что российский рынок Big Data вырастет к 2024 г. до 300 млрд. рублей [12]), что сопровождается не только выгодами, но и закономерными издержками, которые несут в основном граждане. Граждане, или физические лица, являются основным источником данных для компаний и государственных органов. При этом позиция граждан-пользователей самая уязвимая: пользователи несут издержки, так как зачастую находятся в неведении относительно того, кто собирает и хранит их данные, какие именно данные собираются, как и с какой целью используются, оседают ли данные у собравшего или могут быть переданы третьим лицам или компаниям и т.д. [1; 7] Вместе с

тем, информация, исходящая от пользователей, после обработки частными компаниями и государственными органами, может принимать характер общественного блага или использоваться при создании общественного блага [3, с.215]: такая услуга или продукт выступают результатом совместной деятельности общества в широком смысле (включая граждан, бизнес и государство), в разной степени проявляя признаки неисключаемости, неконкурентности и неделимости [4, с.47]. Можно выделить три группы активных участников рынка цифровых данных: это граждане, государство и бизнес. Взаимодействие между акторами здесь может рассматриваться как сетевое: налицо система, включающая как государственные органы (преимущественно представленные органами исполнительной власти), так и негосударственные образования (бизнес, институты гражданского общества и отдельные граждане-пользователи), действующие на основании норм (как формализованных, так и действующих на основе неформальных санкций), взаимодействующие друг с другом, осуществляя взаимообмен определенным ресурсом (в нашем случае таким ресурсом является информация, данные), имея в качестве конечной цели получение публичного блага (например, в виде услуги или базы данных). На характер взаимодействия акторов сети и выбор ими стратегий взаимодействия могут оказывать влияние институциональные факторы (существующее законодательство в сфере информации), культурные факторы (ценности, установки, правила, нормы, язык и проч., а также присущая обществу политическая культура). [2; 5] Политический режим (как набор ценностей и институтов) также может оказывать влияние на стратегическое поведение акторов.

Для описания отношений между участниками сети предлагается использовать конкурентно-кооперативную модель, дополненную моделью отбора стратегий акторами публичной политики, учитывающую институциональные и культурные условия внешней среды, а также политический режим.

Конкурентно-кооперативная модель (coopetition) подразумевает коллаборацию между конкурентами в бизнесе, целью которой является достижение взаимовыгодных результатов: согласование двух разнонаправленных алгоритмов – сотрудничества (кооперации) и конкуренции – позволяет участникам взаимодействия получать как индивидуальную, так и коллективную выгоду, по сравнению с исходной ситуацией. [10, p.819] Под исходной ситуацией мы понимаем такую ситуацию, в которой все участники рынка являются конкурентами и реализуют конкурентную стратегию достижения цели (получения выгоды, нового продукта и т.д.). Данная модель нашла широкое применение в сфере инновационных и

информационно-коммуникационных технологий (ИКТ): объединяя ресурсы конкурентов (а это не только материальный капитал, но и знания, полезные связи, управленческие и исследовательские качества менеджмента), использование данной модели приводит либо к получению инновационного продукта с меньшими издержками, либо к усовершенствованию ранее существовавших технологий через дополнение их инновационными решениями. [8, p.1478] При этом создание стоимости и ее присвоение реализуются по разным алгоритмам: производительный процесс является совместным, тогда как присвоение стоимости носит индивидуальный характер, то есть является конкурентным.

Конкурентно-кооперативную модель в контексте использования цифровых данных и создания на их основе общественного блага может быть использована как рамка для изучения сотрудничества в публичной политике. Объединяя индивидуальные усилия для достижения общей цели, участники взаимодействия получают в результате как наилучший групповой результат, так и увеличивают размер индивидуального выигрыша (по сравнению с эгоистической моделью поведения). В краткосрочной и долгосрочной перспективе акторы будут действовать подобно игрокам спортивной команды: реализация кооперативной стратегии необходима для достижения групповых целей (победа в конкретном матче и победа в первенстве страны, т.е. краткосрочная и долгосрочная перспективы); конкурентная стратегия реализуется на индивидуальном уровне – каждый из игроков заинтересован в том, чтобы в краткосрочной перспективе выйти на поле в каждой конкретной игре, а в долгосрочной перспективе проявить себя на протяжении всего игрового периода и получить в будущем более выгодный контракт, чем у него был до этого, а также получить индивидуальную награду за спортивное мастерство и внести личный вклад в победу команды.

Институциональные и культурные условия внешней среды мы выражаем через два подхода: первый подход сочетает rule of law [9, p.1021] и политическую культуру с доминирующей публичной политикой. В этом случае могут быть выбраны все доступные стратегии (конкурентная, кооперативная, конкурентно-кооперативная с модуляциями в краткосрочной или долгосрочной перспективе), при этом в качестве базовой наиболее эффективна будет конкурентно-кооперативная стратегия.

Второй подход сочетает rule by law и ситуативную политическую культуру. Низкий уровень доверия между акторами и неустойчивый характер норм («правил игры») и, как

следствие, нестабильная политика обуславливают сравнительную эффективность кратковременной конкурентной стратегии.

Изменчивые условия среды, таким образом, влияют на возможные стратегии публичной политики. При наличии справедливых и эффективных институтов и соответствующей им политической культуры (характерными чертами которой могут выступать демократизм, приверженность праву, обладание активной гражданской позицией и проч.) эффективно проявит себя конкурентно-кооперативная стратегия. Ценности, присущие демократическому режиму, предоставят больше возможностей для участия всех сторон в разработке и реализации публичной политики, в отличие от авторитарных режимов, для которых характерно отсутствие горизонтальных связей или их неразвитость, ограниченность в силу закрытого характера некоторых сфер общественной жизни (в частности, политической сферы).

Применяя данную модель к рынку цифровых данных, можно предположить следующий сценарий. Граждане передают свои данные компаниям и государству (соответствующим образом подтвердив свое разрешение использовать персональные данные), компании собирают социальные и пользовательские данные, рассеянные в сети Интернет (в которые могут частично входить и персональные данные граждан), обрабатывают их и возвращают в виде услуг гражданам. Государство и бизнес в данном сценарии могут использовать сильные стороны друг друга: государству, в силу своей инертности, сложнее оперативно реагировать на активно развивающуюся сферу ИКТ, а компаниям зачастую необходимы данные, получаемые от государственных датчиков и спутников (так как это затратно для бизнеса – содержать такую наукоемкую и громоздкую инфраструктуру). [6] Кроме того, государство может пользоваться имеющимися разработками и мощностями частного сектора, а компании получать государственные заказы, влиять на государственное регулирование бизнеса, а также продавать собственные разработки государству. Таким образом, получается замкнутый контур: граждане-бизнес-государство, в котором обращаются данные и разработанные на их основе продукты и услуги. Основной проблемой здесь является соглашение между тремя сторонами о «правилах игры» и защите персональных данных граждан. Подкрепим данную модель отечественным кейсом сотрудничества на рынке цифровых данных. Основными акторами/стейкхолдерами здесь являются граждане, бизнес (в лице Ассоциации больших данных) и государство (Аналитический центр при Правительстве РФ, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, Роскомнадзор).

Бизнес в России стремится выстраивать с государством диалог в сфере использования государственных и персональных данных. Ассоциация больших данных, объединяющая крупных игроков рынка цифровых данных (среди прочих, «Яндекс», Mail.Ru Group, «Сбербанк», «Газпромбанк», «Тинькофф Банк», «МегаФон») совместно с Аналитическим центром при Правительстве РФ разрабатывает дорожную карту по развитию электронного взаимодействия между государством и бизнесом, направленное на:

- обеспечение доступа к государственным информационным системам, ресурсам и реестрам на новом уровне качества, на основе SLA (соглашений об уровне качества), позволяющих бизнесу обеспечивать доступ своих клиентов к государственным данным, в том числе на условиях возмездности, и бесшовный переход к государственным услугам через экосистемы коммерческих компаний;

- решение существующих регуляторных проблем, связанных с использованием данных из государственных систем, ресурсов и реестров, направленных на получение недискриминационного доступа бизнеса к государственным данным, с использованием открытых протоколов, при условии доступа к персональным данным только с согласия субъекта;

- обеспечение публичности стандартов, предъявляемых к датасетам и их качеству, а также требований к протоколам обмена данными;

- привлечение бизнеса к управлению изменениями в процессах предоставления электронных государственных услуг. [14]

Цель данной инициативы состоит в создании механизма взаимодействия, который обеспечит предоставление услуг посредством бесшовной системы.

Из действующих программ взаимодействия государства и бизнеса, результатом которой является общественное благо, является «Цифровой профиль гражданина РФ» - совокупность сведений о гражданах и юридических лицах, содержащихся в информационных системах государственных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в единой системе идентификации и аутентификации [16], а также совокупность технических средств, которые позволяют управлять этими данными (в первую очередь, гражданину). Так, наличие у гражданина цифрового профиля позволит финансовым организациям проводить скоринговые

процедуры и оформлять клиенту продукт на индивидуальных условиях. [15] Граждане смогут управлять своими данными, хранящимися в государственных информационных системах, централизованно: при этом граждане могут как использовать персональные данные для получения государственных и других услуг, так и управлять доступом к ним, запрещая или разрешая государственным инстанциям и организациям доступ к личным документам. [17] Часть услуг будет предоставляться государством в проактивном формате – то есть без необходимости гражданину обращаться с заявлением для получения соответствующей услуги. Бизнес может получать качественные (достоверные) данные о гражданах и собственной деятельности. «Цифровой профиль гражданина РФ» создается параллельно с Национальной системой управления данными (НСУД), создающейся с целью обеспечения бизнеса, граждан, государственных и муниципальных органов достоверными, полными, непротиворечивыми, сопоставимыми, доступными и защищенными данными. [13]

Таким образом, рынок цифровых данных может быть объяснен конкурентно-кооперативной моделью, включающей государство, бизнес и граждан, взаимодействующих на основании правовых норм, выраженных в соответствующем законодательстве и программных документах, осуществляющих взаимобмен информацией (данными), результатом которого являются государственные услуги, а также услуги и продукты, предоставляемые частным сектором. Данная модель представляет замкнутый контур, в котором происходит постоянный обмен данными, при этом стоит отметить постоянный прирост новых данных: запускается цепная реакция, отличающаяся лавинообразным характером прироста новых данных. [11] В демократических условиях бизнес, государство и граждане могут эффективно взаимодействовать в сфере оборота цифровых данных: граждане могут снизить издержки, связанные с угрозой персональным данным, получив возможность контролировать, кто и как будет использовать их данные; бизнес получает актуальные данные как о собственной деятельности, так и о гражданах, что позволит создавать клиентоориентированные услуги и продукты; государство может пользоваться имеющимися разработками и мощностями частного сектора, а также эффективнее предоставлять услуги бизнесу и гражданам, в том числе в проактивном формате.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00705 "Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях:

методологический синтез как аналитическая стратегия".

Список литературы

1. Баландина Д.М. Плюсы и минусы цифровой экономики // Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 67-85.
2. Благих И., Громов И. Совершенствование информационных технологий в сфере государственных услуг как драйвер развития цифровой экономики в России // Oikonomos: Journal of Social Market Economy. – 2018. – № 3. – С. 69-79.
3. Вахитова Л.Р., Кудрявцева К.В. Переосмысление понятия общественных благ в цифровую эпоху // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент. – 2020. – №2. - С. 213-218.
4. Жидков А.С. Концепция общественного блага и развитие сферы услуг // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. – 2017. – №4 (23). – С. 46-54.
5. Пашкус Н.А., Пашкус В.Ю., Волкова А.В. Конкурентоспособность общественного сектора в Новой экономике: адаптация, информатизация и "электронное государство" // Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. – 2018. – Т. 9, № 4. – С. 63-80.
6. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 46-63.
7. Aliaskarova Zh., Pashkus V. Blagikh I. Proactive industrial policy as the main strategy for improving Russia's competitiveness in the context of global economic processes // SHS Web of Conferences. – 2020. –Vol. 74. – P. 06002.
8. Belderbos R., Carree M., Lokshin B. Cooperative R&D and firm performance // Research Policy. – 2004. – Vol. 33, Iss. 10. – P.1477–1492.
9. Gel'man V. The Unrule of Law in the Making: the Politics of Informal Institution Building in Russia // Europe-Asia Studies. – 2004. – Vol. 56, Iss. 7. – P. 1021–1040.
10. Ritala P., Hurmelinna-Laukkanen P. What's in it for me? Creating and appropriating value in innovation-related coepetition // Technovation. – 2009. – Vol. 29, Iss.12. – P.819–828.
11. Tapscott A. Financial Services Revolution: How Blockchain Is Transforming Money, Markets, and Banking. – Macksville, North Carolina: Barlow Publishing, 2020. – 408 p.

12. Tadviser: Государство. Бизнес. ИТ. Большие данные (Big Data) в России – [Электронный ресурс] – [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%91%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B8%D0%B5_%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_\(Big_Data\)_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%91%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B8%D0%B5_%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_(Big_Data)_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8) (дата обращения: 10.12.2020).
13. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Национальная система управления данными (НСУД) – [Электронный ресурс] – <https://ac.gov.ru/projects/project/nacionalnaa-sistema-upravlenia-dannymi-nsud-41> (дата обращения: 10.12.2020).
14. Ассоциация больших данных предложила правительству разработать дорожную карту по развитию электронного взаимодействия между государством и бизнесом в части обмена данными // Ассоциация больших данных. – [Электронный документ] – https://rubda.ru/association_news/associazciya-bolshih-dannyh-predlozhila-pravitelstvu-razrabotat-dorozhnyuyu-kartu-po-razvitiyu-elektronnogo-vzaimodejstviya-mezhdu-gosudarstvom-i-biznesom-v-chasti-obmena-dannymi/ (дата обращения: 10.12.2020).
15. До конца 2021 года продлят срок пилотного проекта «Цифровой профиль» // Рубеж: информационно-аналитический портал – [Электронный документ] – <https://rubezh.ru/gossektor/news/20/10/12/do-koncza-2021-goda-prodlyat-srok-pilotnogo-proekta-cifrovoj-pr> (дата обращения: 10.12.2020).
16. Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – [Электронный документ] – <https://regulation.gov.ru/Files/GetFile?fileid=e8fc2b26-2967-43ab-a844-4b4922df640d> (дата обращения: 10.12.2020).
17. Цифровой профиль открывает новые возможности для граждан и бизнеса // Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». – [Электронный документ] – <https://digital.ac.gov.ru/news/827/> (дата обращения: 10.12.2020).

References:

- Balandina D M. (2020) Advantages And Disadvantages of Digital Economy // Marketing MBA. Marketing management of the firms. - Vol. 11, Iss. 2. - Pp. 67-85.
- Blagikh I., Gromov I. (2018) Improvement of information technologies in the field of public services as a driver for the development of the digital economy in Russia // Oikonomos: Journal of Social Market Economy. – Iss. 3. – Pp. 69-79.
- Vakhitova L.R., Kudryavtseva K.V. (2020) Rethinking the concept of public goods in the digital age // Scientific journal of the ITMO Research University. Series Economics and Environmental Management. – Iss. 2. – Pp. 213-218.
- Zhidkov A.S. (2017) The concept of public good and the development of the service sector // Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 1. Economics and Management. – Iss.4. – Pp. 46-54.
- Pashkus N.A., Pashkus V.Yu., Volkova A.V. (2018) Competitiveness of the public sector in the New Economy: adaptation, informatization and "e-government"// Marketing MBA. Marketing management of the firms. – Vol. 9, Iss. 4. – Pp. 63-80.
- Khalin V.G., Chernova G.V. (2018) Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks // Management Consulting. – Iss. 10. – Pp. 46-63.
- Aliaskarova Zh., Pashkus V. Blagikh I. (2020) Proactive industrial policy as the main strategy for improving Russia's competitiveness in the context of global economic processes // SHS Web of Conferences. – Vol. 74. – P. 06002.
- Belderbos R., Carree M., Lokshin B. (2004) Cooperative R&D and firm performance // Research Policy. – Vol. 33, Iss. 10. – Pp.1477–1492.
- Gel'man V. (2004) The Unrule of Law in the Making: the Politics of Informal Institution Building in Russia // Europe-Asia Studies. – Vol. 56, Iss. 7. – Pp. 1021–1040.
- Ritala P., Hurmelinna-Laukkanen P. (2009) What's in it for me? Creating and appropriating value in innovation-related coepetition // Technovation. – Vol. 29, Iss.12. – Pp.819–828.
- Tapscott A. (2020) Financial Services Revolution: How Blockchain Is Transforming Money, Markets, and Banking. – Macksville, North Carolina: Barlow Publishing. – 408 p.
- Tadviser: State. Business. IT. Big Data in Russia – [Electronic resource] – <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F>

:%D0%91%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B8%D0%B5_%D0%B4%D0%B0
%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_(Big_Data)_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%
81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (date viewed: 10.12.2020).

Analytical Center for the Government of the Russian Federation. National Data Management System (NDMS) – [Electronic resource] – <https://ac.gov.ru/projects/project/nacionalnaa-sistema-upravlenia-dannymi-nsud-41> (date viewed: 10.12.2020).

The Big Data Association invited the government to develop a roadmap for the development of electronic interaction between the state and business in terms of data exchange // Big Data Association. – [Electronic document] – https://rubda.ru/association_news/assocziacziya-bolshih-dannyh-predlozhila-pravitelstvu-razrabotat-dorozhnuyu-kartu-po-razvitiyu-elektronnogo-vzaimodejstviya-mezhdu-gosudarstvom-i-biznesom-v-chasti-obmena-dannymi/ (date viewed: 10.12.2020).

Until the end of 2021, the term of the pilot project "Digital Profile" will be extended // Rubezh: information and analytical portal – [Electronic document] – <https://rubezh.ru/gossektor/news/20/10/12/do-koncza-2021-goda-prodlyat-srok-pilotnogo-proekta-czifrovoj-pr> (date viewed: 10.12.2020).

Draft federal law "On Amendments to Certain Legislative Acts (in terms of clarifying identification and authentication procedures)" // Federal portal of draft regulatory legal acts. – [Electronic document] – <https://regulation.gov.ru/Files/GetFile?fileid=e8fc2b26-2967-43ab-a844-4b4922df640d> (date viewed: 10.12.2020).

The digital profile opens up new opportunities for citizens and business // National Program "Digital Economy of the Russian Federation". – [Electronic document] – <https://digital.ac.gov.ru/news/827/> (date viewed: 10.12.2020).